

117
174

Фото Д. Дебазова

??

РЕДАКЦИЯ „ОГОНЬКА“ ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ ПРИСЛАТЬ ПОДПИСЬ ИЛИ СТИХИ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ ДОПОЛНИТЬ ЭТОТ СНИМОК, ХУДОЖЕСТВЕННО ОБЪЯСНИТЬ ЕГО И ВМЕСТЕ С НИМ СОСТАВИТЬ ОДНО ЦЕЛОЕ (СМ. ТАКЖЕ СНИМОК В № 28 НА 2-Й СТР. ОБЛОЖКИ).

ЛУЧШИЕ ИЗ ПРИСЛАННЫХ ПОДПИСЕЙ ИЛИ СТИХОТВОРЕНИЙ БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ НА СТРАНИЦАХ „ОГОНЬКА“.

На обложке —

ВЕЧЕР РОВЕСНИКОВ ОКТЯБРЯ. Недавно в Ленинграде во дворце Урицкого состоялся слет знатной молодежи, на котором выступил т. Жданов. На снимке: пионерка Алла Андреева передает на вечере цветы рулевому ленинградских большевиков т. Жданову.

Фото Сэккэ

И. Нусинов

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Сознание неминуемости распада старой дворянской жизни и неприемлемости нового буржуазного порядка определило весь жизненный и творческий путь Толстого.

Л. Н. Толстой один из тех считанных гениев мировой литературы, который с самого начала заговорил в литературе полным голосом.

Его первое произведение «Детство, отрочество и юность» было не произведением начинающего таланта, а шедевром зрелого мастера. Этой книгой он с самого начала занял место если не первого, то равного среди своих величайших современников — Гончарова, Тургенева, Достоевского.

В этой первой книге мы уже видим основные качества Толстого-художника, как и основные противоречия всего его жизненного и творческого пути.

В чем они заключаются — эти качества художника? Прежде всего в исключительной правдивости, простоте и искренности, в отсутствии литературных условностей.

Толстой правдиво и с художественной честностью воспроизводит жизнь в дворянской усадьбе, аромат детских лет в культурной дворянской семье. Но вне поля его зрения остались те взаимоотношения помещика-крепостника и крепостного крестьянина, все те

острые конфликты между бариним и мужиком, которые привели к гибели старую феодально-крепостническую Россию.

Несмотря на это, — перед нами шедевр автобиографического жанра, произведение, общественный интерес которого далеко выходит за картины жизни данной усадьбы, за историю одной семьи.

Это книга, типизирующая русскую дворянскую жизнь, типизирующая культурный усадьбинский уклад. Правдивый показ внутреннего мира людей дворянской усадьбы и слепота ко всему тому, что происходит вокруг, слепота по отношению к той крестьянской действительности, которая питала благополучие этой усадьбы.

Вот одно из основных противоречий первого шедевра Толстого.

В те годы в русской литературе уже появилась целая волна изобличительных антидворянских, антикрепостнических произведений. В них показывались иные типические черты дворянской действительности: помещик-крепостник, рабство русского мужика, дикость феодально-крепостнической жизни. В них было показано, что типическим отражением дворянско-крепостнической усадьбы является не «Детство, отрочество и юность». «Семья Головлых» Салтыкова-Щедрина была написана значи-

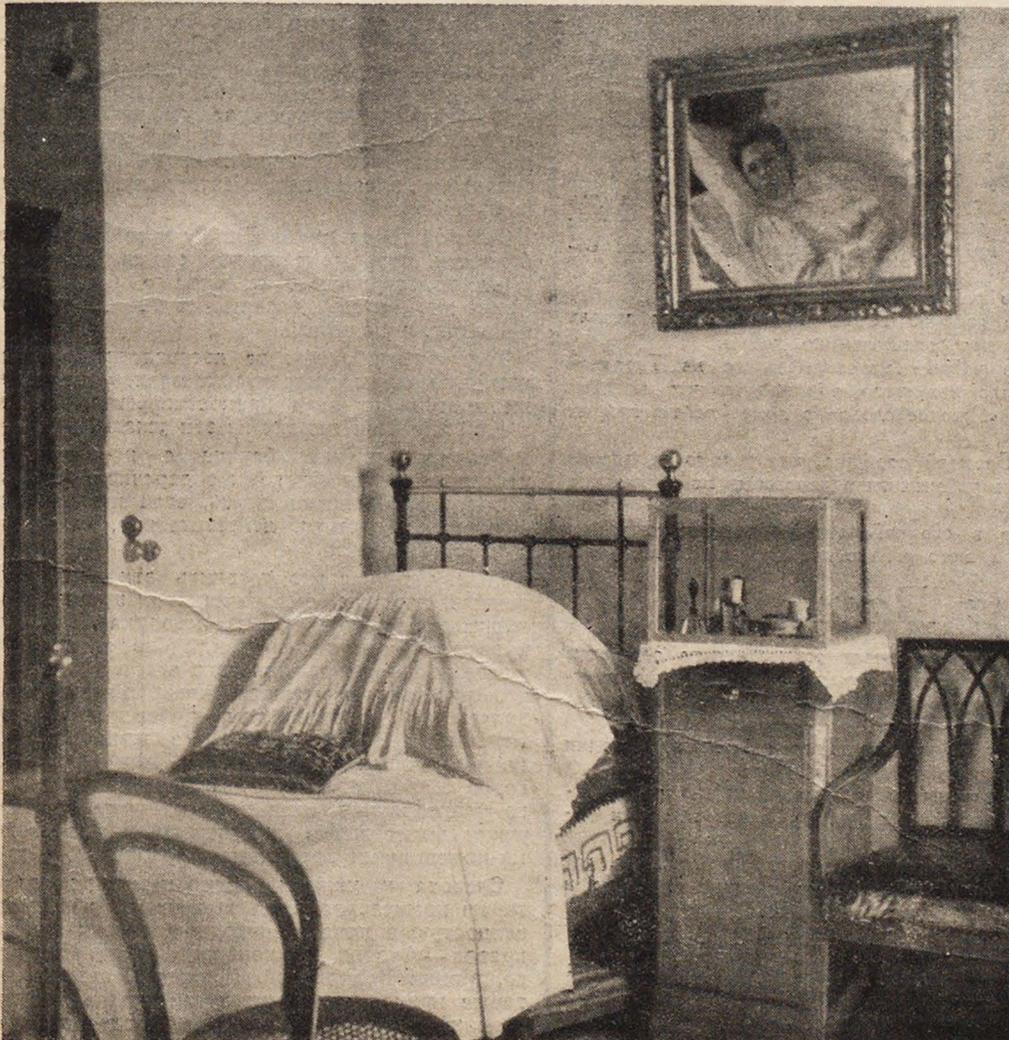
тельно позже, но уже в те годы в революционно-демократической литературе было достаточно произведений, где художественно накапливались черты Головлых. И объективно «Детство, отрочество и юность» Толстого было направлено против этих изобличительных произведений.

Это была книга, охраняющая старые, дворянские устои, защищающая их против революционно-демократической критики.

Но, наряду с этим, это была книга глубокого недовольства своей средой, ревизией всех ее норм и переоценкой всех ее ценностей.

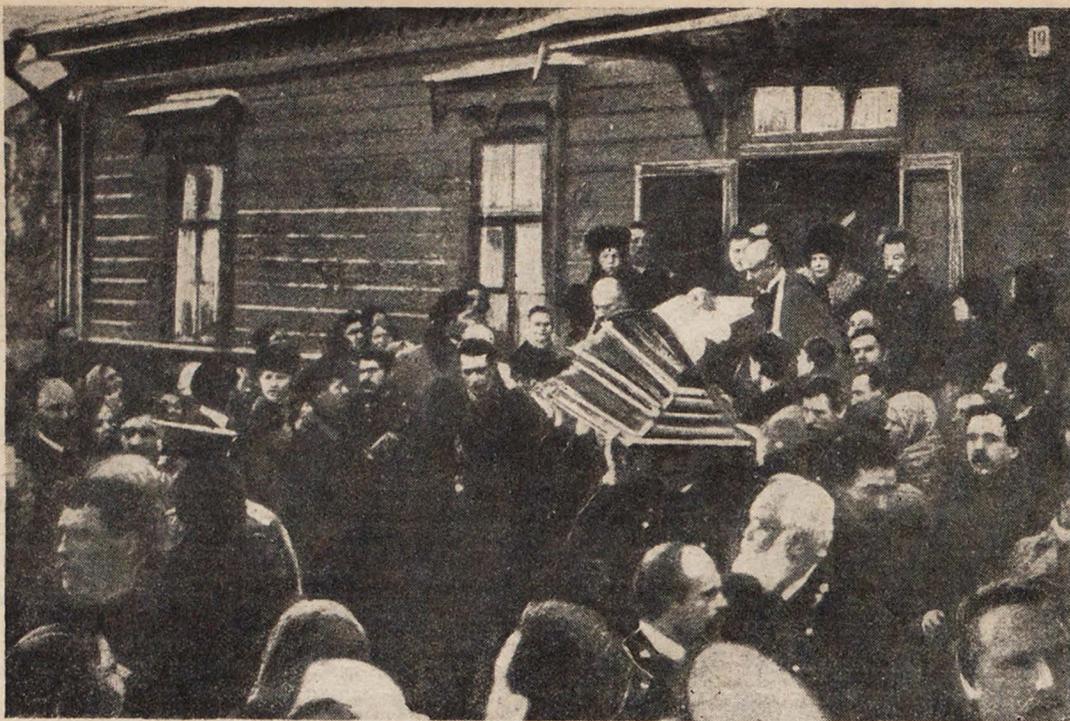
Юноша Николай Иртеньев противостоит своей среде. Он усомнился во всем том, что среда считает должным и непреложным. Все они, дворянские сверстники, живут по установленным принципам, стремясь быть «comme il faut», как должно, как принято в хорошей дворянской аристократической среде. А Николай Иртеньев убежден, что надо жить по-иному. Как по-иному — он еще не знает. Он ищет, подымается, падает, но он знает, что жить «comme il faut» не следует.

Вот эти противоречия Толстого — изумительная правдивость в отношении показываемого и в то же время слепота ко многим основным центральным явлениям действительности, взрывающим всю старую дворянскую жизнь, с

Комната в музее Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Снято в ноябре 1935 г.

25 лет назад Л. Н. Толстой в той же комнате незадолго до смерти беседует с доктором Д. П. Маковицким

Сыновья Льва Николаевича Толстого выносят гроб из квартиры начальника станции Астапово. В дверях видна Софья Андреевна

Из донесений полицейских в день похорон Л. Н. Толстого

Похороны Л. Н. Толстого, на фоне столыпинской реакции, послужили сигналом к уличным демонстрациям рабочих и студенчества. «Полоса полного господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема», писал В. И. Ленин в связи с этими выступлениями. Правительство пустило в ход против демонстрантов испытанные средства усмирения. Нижеприводимые документы московской охраны относятся к 9/22 ноября — дню похорон Л. Н. Толстого.

В 9 ч. утра полицейский надзиратель Евгеньев сообщил, что по Тверской улице от Страстного монастыря до заставы и на прилегающих улицах все обстоит благополучно; торговля производится. В 9 ч. 5 м. утра полицейский надзиратель Туляков сообщил, что в его районе не работает только одна фабрика Говардовского. Фабрика бывш. Котова, рабочие коей намерены были не работать, работает в полном составе. В 9 ч. 20 м. утра полицейский надзиратель Варламов сообщил, что в его районе не торгует книжный магазин «Основа» Вольфа и Бекендорфа. В остальном — все спокойно.

В 9 ч. 50 м. утра полицейский надзиратель Кожевников сообщил, что сегодня приехали из Петербурга человек 10 членов Государственной Думы, которые просили у начальника Курского вокзала отдельный поезд, как для депутации, в котором они могли бы ехать на похороны графа Льва Толстого. Им было отказано. Тогда они направились в город с намерением нанять автомобили для этой цели. Кроме того из Петербурга прибыло много разных депутаций, едущих также на похороны Толстого. Некоторые из них выехали с поездом, идущим до Тулы, другие остались дожидаться более удобного поезда. Среди них много учащихся.

В 10 ч. утра полицейский Варламов сообщил, что в его районе все спокойно.

В 10 ч. 20 м. утра полицейский Федоров сообщил, что рабочие завода Густава Листа вышли на работу в 7 ч. утра в количестве около 300 чел. и через час разошлись по домам.

В 10 ч. 30 м. утра полицейский Куликов сообщил, что чайный магазин Попова на Тверской улице не торговал до 10 ч. 30 м. утра, причем на двери было вывешено объявление, что магазин закрыт по случаю смерти графа Толстого. Книжный магазин «Русское слово» в доме Сытина закрыт на весь день.

В 10 ч. 30 м. утра полицейский надзиратель завода Бромлей сообщил, что у него на заводе вышли на работу 944 человека. В 9 ч. 30 м. большая часть рабочих тихо разошлась по домам. На работе осталось 200 человек, кои, видимо, также разойдутся.

В 10 ч. 35 м. утра полицейский Иванов сообщил, что в его районе все книжные магазины закрыты. В 10 ч. 45 м. утра полицейский Вознин сообщил, что в его районе все обстоит благополучно.

Рапорт ротмистра Вахнина

Сегодня в 10 ч. утра около старого Московского университета начали собираться по одиночке, небольшими группами (два-три человека) сначала курсистки, а затем и студенты под предлогом получения справок, часть их входила в канцелярию. К тому же времени к Университету пришло около 100 студентов Сельско-Хозяйственного института.

По объявлению эскуатора этого Университета (приставу 2 участка Тверской части) сегодня по приказанию Ректора, канцелярия открыта для служебных надобностей и справок.

Из канцелярии Университета студенты и курсистки вышли на улицу, где совместно с студентами-сельскохозяйственниками, толпой около 200 человек направились к новому Университету и далее по Моховой с пением «Вечная память».

Полицеймейстер 1-го отделения около 11 ч. дня встретил шествие у нового Университета, где толпа возросла до 300 чел., было предложено прекратить пение, следовать по Никитской улице и разъяснено, что в Хамовники к дому графа Толстого шествие не будет пропущено.

Ввиду малого наряда чинов полиции в этом месте, студенты обошли их и продолжали шествие по тротуарам. Распоряжением Полицеймейстера был выслан дополнительный наряд, который к 12 ч. прибыл на угол Знаменки и Волхонки, где прекратил движение студентов к Моховой. Все студенты шли без фуражек. Толпа пела «Вечная память».

Вторично было предложено прекратить пение и разойтись, что часть исполнила, более же упорные окружены и препровождены по Знаменской улице в 1 участок Тверской части, где они переписаны и по одиночке отпущены.

В участок доставлено 137 человек учащейся молодежи.

одной стороны, а с другой стороны, глубокое недовольство дворянской действительностью при наивности и беспомощности рецептов изменения этой жизни — характеризуют весь жизненный и творческий путь Толстого.

В них выступают те черты Толстого, которыми Ленин суммировал весь его путь, когда он писал:

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях в школе Толстого действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетами».

С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс, с другой стороны, — юродивая проповедь «непротивления злу» насилием.

С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок, с другой стороны, — проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, — стремление поставить на место попов на казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».

Эти противоречия характеризовали творчество Толстого всю его жизнь, но на различных этапах выступали различными своими сторонами. В шестидесятые годы, когда шла непосредственная борьба за смену старых феодальных форм новыми буржуазными формами, доминирующим в творчестве Толстого продолжало быть художественное утверждение прекрасной старой дворянской жизни, противопоставление этой дворянской России Западу, западным идеям, парламентаризму, буржуазным свободам.

Толстой тогда писал «Войну и мир». Те особенности, которые в первом его произведении «Детство, отрочество и юность» были лишь намечены, здесь раскрылись с гениальной яркостью и полнотой.

Толстой изображал те десятилетия русской жизни, которые характеризовались наиболее жестокими формами крепостничества, но нет в этой книге ни намека на эти ужасы.

Взаимоотношения барина с крестьянином характеризуются святками в деревне Ростовых «Отрадное». И жизнь здесь, если верить изображению Толстого, действительно, отрадная, а не аракчеевская.

Между тем, стоит сравнить эти художественные картины исторического прошлого с данными не только нашего историка М. Н. Покровского, а и с данными либеральных буржуазных историков, для того чтобы убедиться, что русская деревенская жизнь характеризовалась не патриархально-человеколюбивыми отношениями «Отрадного», а теми ужасами, из-за которых впоследствии Иван Карамазов готов был отказаться от будущего социального благополучия, если путь к этому благополучию лежит через замученных крепостниками-помещиками крестьянских ребят.

Слепота к ужасам крепостничества здесь также компенсировалась гениальной проникновенностью в показе внутренней жизни аристократов — Андрея Болконского, Пьера Безухова, Марии Болконской, Наташи Ростовской, которые принадлежат, как и все остальные персонажи «Войны и мира», к наиболее волнующим фигурам в мировой литературе.

Окончание см. стр. 11

Документы этой

Кирпичные Заводы
ПРОМЫШЛЕННОГО ОТДЕЛА
ОКРИСПОЛКОМА
Сев. Кав. Край
9/1111
№ 658
Таганрог

СПРАВКА:
Выдана настоящая справку т. Шаповаловой
Клавдии в том, что она работает на кирпичных
Заводах в г. Таганроге Донского округа в качестве
возчицы и уволена в течение 2х недель
без сохранения содержания в отпуск для дер-
жания экзамена в г. Москву в Рабфак Искусств.

Управляющий заводами Шаповалов / Грубер/
Делпроизводитель

Заявление на промтовары
г.д. Молодцова - Колхоза Блюхера
в райпротомоспоз. С. Ковалева Сарк. Таг. района
Оренбургской области
Составлено " 8-8 Сент. 1932 г.

№ п/п	Наименование	Фабрик.	Качество
1.	Шайки шерстяные	54-56-58 Копса. Верк	50
2.	Шайки детские	от 4-14 лет	45
3.	Кейки шерстяные	супер	30
4.	Белье шерстяное	"	50 пар
5.	Топки дамские	Дуверин	50 пар
6.	Сапоги шерстяные	ротон	45 пар
7.	Сапоги хромовые	"	25-
8.	Ботинки шерстяные	Хромовые	20
9.	Валенки шерстяные	ротон	45
10.	Сапоги дамские	ротон	30
11.	Ботинки дамские	Хромовые	30
12.	Туфли дамские	"	45
13.	Валенки дамские	ротон	45
14.	Сапоги детские	ротон	150

Колхоз имени Блюхера Екатерининского сельсовета, Сарк. Таг. района, Оренбургской области, убрав богатый урожай и распределив доходы, отправил в кооперативные организации требование на промтовары. Заявка составлена на основании опроса колхозников. В требовании — 51 пункт. Ориентировочная стоимость заказанных товаров — 75 000 рублей.

Колхозники требуют прислать им среди прочих предметов:

- 50 пар дамских ботинок,
- 15 пар светлых дамских туфель,
- 40 светлых дамских пальто,
- 6 дамских шуб на меху,
- 20 мужских зимних пальто с меховым воротником,
- 30 пар дамских лайковых перчаток,
- 30 двухспальных одеял,
- 15 велосипедов Пензенского велозавода,
- 10 одноствольных ружей,
- 35 детских ранцев,
- 3 ручных и
- 3 ножных швейных машины.

СПРАВКА
Выдана настоящая справка т. Шаповаловой
Клавдии в том, что она работает на кирпичном
заводе Донского округа в г. Таганроге в качестве отвозчицы и уволена на 2 недели без сохранения содержания в отпуск в г. Москву для сдачи экзаменов в рабфак искусств.

Управляющий заводами (Грубер).

В октябре этого года бывшая возчица Клавдия Шаповалова принята на вокальное отделение Московской государственной консерватории по классу профессора Аспилуд. Она получает персональную стипендию и уже выступала несколько раз с большим успехом в закрытых концертах.

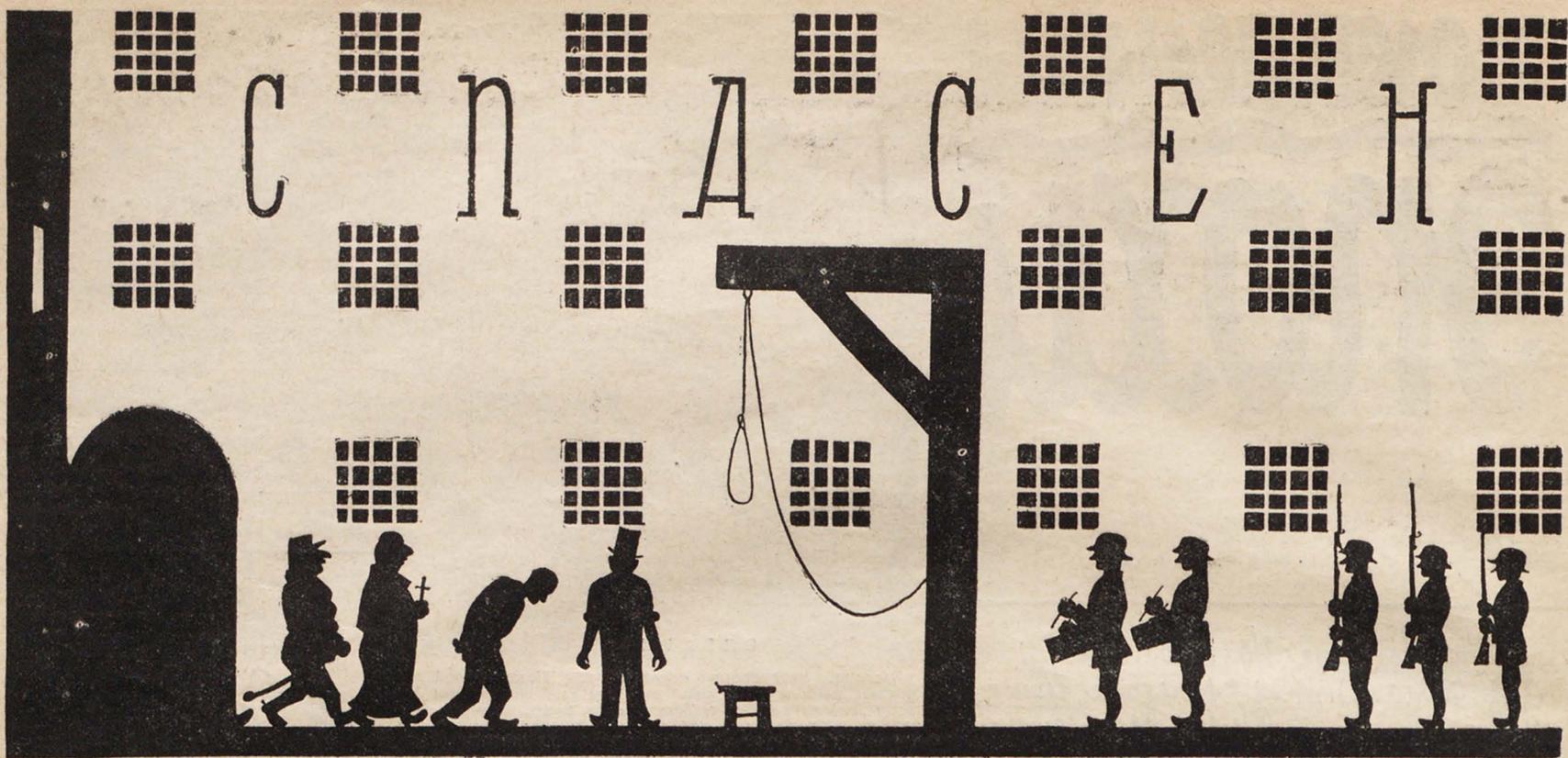
- 16. Коварство и любовь
- 17. Буцков
- 18. Инженерия
- 19. М. Кр. Армия
- 20. Байки
- 21. Метрики
- 22. Трудный шаг
- 23. Это-то Островского, название забыл.
- 24. Революционный
- 25. Мой друг
- 26. Тужной ребенок
- 27. Сирокко
- 28. Мистер Робинзон
- 29. Студия Шмакова
- 30. Таманты и поклоны
- 31. Жизнь зовет
- 32. Мятен

Листок из записной книжки красноармейца Н-ской части дивизии Ф. Дзержинского, тов. Логонова, куда он записал все театральные постановки, виденные им за два года службы в Красной армии. Тов. Логонов 38 раз был в лучших театрах столицы. До призыва в Красную армию в театрах не был ни разу. Этот список он составил специально для выступления на вечере прощания демобилизованных бойцов.

На снимке — ряд тезисов к докладу председателя Газовского райисполкома Ямало-Ненецкого округа, ненца тов. Рогалева, нарисованные им для памяти. Тов. Рогалев руководит огромным районом и в своем докладе пленуму окрисполкома затронул все стороны хозяйственной и общественной жизни района. Этот документ характерен для народов севера, идущих от рисунка к письменности. Рисунки сверху вниз обозначают:

1. Олень, волк и важенка, потравленная волком.
2. Собака и приспособления для охоты. Голова зверя свидетельствует о недостатках капкана.
3. Рыба и рыболовные снасти.
4. Ход мобилизации средств (монеты, облигации, лотерейные билеты).
5. Ремонт школ, обеспеченность учебниками и школьными пособиями.
6. Количество и работа красных чумов в районе.

Рассказ Ярослава Хашека

Рисунки худ. Ю. Ганфа

Наталь решительно не везло: он должен был быть повешен. Но как бы там ни были тяжки его прегрешения, он не мог удержаться от улыбки, когда накануне того дня, в который ему предстояло быть вздернутым на виселицу, тюремщик внес к нему бутылку вина и порядочный кус жареной телятины.

— Это мне?

— Да, — произнес тюремщик дружелюбно. — Запаситесь-ка напоследок добрым аппетитом. Сейчас еще будет булка и огуречный салат. Не унести было всего зараз. Подождите, я мигом вернусь.

Наталь комфортабельно уселся за стол и, усмехнувшись, роскошно закусил жареной телятиной. Как видим, это был вполне здравомыслящий циник, который хотел взять от жизни все возможное даже за то небольшое количество часов, которое ему предоставило правосудие.

Впрочем, его последнюю трапезу все-таки немного отравляла мысль, что все те люди, которые сегодня утром прочли ему отказ в помиловании и сообщили, что выполнение приговора отсрочено на 24 часа, дабы осужденный мог должным образом подготовиться и уладить свои земные дела, — что все эти люди, те, которые будут его вешать, и те, которые будут глазами на его смерть, — все они завтра, послезавтра и так далее останутся в живых и будут каждый день мирно возвращаться к своим семьям, в то время как он уже не будет существовать...

Философствуя таким образом, он уплетал жареную телятину. А когда ему принесли салат и булку, вздохнул и выразил желание получить трубку и табак. Тотчас ему раздобыли трубку и отличнейший табак, чтобы он мог покурить в свое удовольствие. Тюремщик даже сам дал ему огонька и при этом не преминул напомнить о безграничной милости божией, ибо, если все потеряно на земле, то далеко не все еще потеряно на небесах.

Осужденный попросил порцию ветчины и еще литр вина.

— Получите все, что пожелаете, — сообщил тюремщик. — Людям в вашем положении мы ни в чем не отказываем.

— Тогда заодно захватите парочку колбас из печенки. Неплохо бы и литр черного пива.

— Будет. Тотчас за всем пошлю, — любезно отозвался тюремщик. — Почему вас не потешить! Жизнь наша слишком коротка, чтобы не взять от нее все, что можно.

Он принес просимое и остался поточить ля-

сы с Наталем. Тот заявил, что совершенно спокоен.

— Непостижимо! — возгласил он, прикончив все съестное дочиста. — Теперь я чувствую аппетит на хорошее жаркое, лимбургский сыр, сардинки в деликатесном масле и другие невредные вещи.

— Будьте покойны, все предоставим, что скажете. Душа радуется, глядя на ваш аппетит. Надеюсь, кстати, что вы до утра не повеситесь. Судя по всему, вы честный парень. Да и какой бы вам с того был прок? Стоит ли вешаться раньше, чем это произойдет само собой, законным порядком. Не хотите ли еще бутылочку пивка? Или парочку? Пиво сегодня прекрасное. Отлично пьется под сыр. Я принесу две бутылки, а уж под сардинки и жаркое будете пить вино, дружище. Так и выйдет, одно к одному.

Запах всех этих прелестей вскоре наполнил камеру, а посредине, ухмыляясь, сидел Наталь и усердно уничтожал жаркое, сыр и сардинки, запивая их то вином, то пивом, смотря по тому, что попадалось под руку.

Он был погружен в приятные мечты. Ему чудилось, что он на один вечер очутился на свободе среди всей этой благодати. Он сидел на веранде загородного ресторанчика, где ветви и листья за окном сияли под августовским солнцем, а напротив помещался хозяин этого рая — толстяк-ресторатор, такой же комплекции, как и тюремщик. Он все время болтал и потчевал Наталь, как и этот толстяк...

— Расскажите мне анекдот, — обратился он к тюремщику. И тот немедленно выложил ему последний анекдот, как он сам выразился, свиного содержания.

Немного поразмыслив, Наталь пожелал фруктов, пирожных и черного кофе с бисквитами. Его желание было выполнено.

Когда он, наконец, расправился и с этим, в дверях показался тюремный духовник, дабы пролить бальзам утешения на душу осужденного. Это был веселый мужчина, живой и насколько не педантичный, который отлично сознавал, что для приговоренного к веревке гораздо приятнее общительность и веселый вид, чем суровость и благочестие.

— Бог вас спасет, молодой человек! — возгласил он, хлопая Наталь по плечу. — Завтра спозаранку все будет готово. Но не отчаивайтесь. Исповедуйтесь и причаститесь и глядите весело на свет. Уповайте на бога, молодой человек. Ибо богу угоден грешник, творящий покаяние. Бывают люди, которые отказываются от исповеди и всю ночь ходят и хныкают.

Что в этом хорошего? Ничего. Только голова болеть будет. А уж кто исповедуется, тот опит всю ночь сном праведника. Ему все трын-трава. Еще раз говорю вам, молодой человек, — и вам будет все трын-трава, коль скоро очистите душу от греха.

В этот момент Наталь побледнел. В животе у него что-то забурлило, забулькало. Он скорчился, чувствуя нестерпимые судороги. На лбу у него выступил холодный пот.

Тюремный пастырь перепугался. На Наталь снова напали корчи. Он заорал и согнулся в дугу.

Окончание см. стр. 9

Наталь роскошно закусил жареной телятиной

Отъезд Пушкина из Одессы

И. В. Новиков

И вот уже не дни, а часы стали считанными. О высылке Пушкин все же узнал до официального ее объявления. Он прибежал к Вере Федоровне Вяземской, не помня себя, прямо с дачи Рено, от Воронцовой. Она увидела еще из окна черную эту фигурку, как он с открытой головой перебежал через площадь. Стояла жара, и одесская пыль накалена была в воздухе.

В первую минуту ей стало смешно и она даже переступила от внутреннего хохотка с ноги на ногу: княгиня была по-детски смешлива. Так и встретила бы она его каким-нибудь фамильярным словечком, вроде такого: «Это что же еще за чучело такое!» — да отошла от окна, чтобы поправить цепочку на шее и прикрутить покрепче и без того крутые бублики свои. Так он и предстал перед ней без доклада, но уже ничуть не смешной: Пушкин имел трагический вид. Непостижимо внезапно он похудел, резче стали черты, явственнее выдавались желтоватые скулы, и даже не слишком густые русые бакенбарды были взлохмачены.

— Я вас никогда не видала таким, — сказала княгиня, и в голосе ее дрогнуло сложное чувство тревоги, жалости и доброты. — Вы от Элиз? (Так она по-домашнему звала Воронцову).

Пушкин кивнул головой. Рот его был открыт, но он не произносил ни слова.

— Неужто поссорились? Он сделал жест, как будто хотел снять наконец шляпу, но только провел рукой по волосам. Рассеянно он взглянул на руки. Тяжелое золотое кольцо блеснуло на пальце.

— Я кажется к вам без шляпы и без перчаток. Простите меня.

— Я пошла человека за вашей шляпой. Хорошо, что вы не оставили там головы.

— Нет, головы я еще не потерял, — ответил он после молчания, — но...

— Что же, — спросила она и подошла к нему ближе. — Ну, признавайтесь! — И слегка поерошила курчавые его с золотистым отливом, темные волосы.

Он взглянул на нее снизу голубыми своими глазами. В них уже не было ни смятения, ни торопливости. Вере Федоровне в эту минуту он показался обиженным мальчиком.

— Меня высылают. На родину. И она отказалась... со мною... Я хочу бежать в Турцию. Может быть... да, помогите мне в этом.

Это была, действительно, мальчишеская мысль. На секунду у Вяземской кольнуло на сердце: зависть не зависть, но все же «капелька горечи» — «как он, однако, влюблен!»

Напротив трюмо отражало сидящего перед ней молодого человека со скрещенными стрелозою ногами, матовым цветом лица и высоко откинутым выпуклым лбом; видела она и себя рядом с ним: худую и узкую, но все же с широкою костью и с этим, увя, некрасивым, но характерным лицом, на котором единственно что хорошо было по-настоящему — это мягкие каштаново-золотистые глаза. И глаза эти, умевшие смеяться, глядели сейчас очень сосредоточенно. «Она отказала... но в чем? Ужели же мог он серьезно подумать, что она

согласится бежать: она, жена генерал-губернатора, который его же и высылает. Ведь если б не знала давно, что его одесские дни сочтены, вряд ли бы даже... Но и про себя она не договорила, ей не хотелось быть злой.

И, успокоив немного его, она принялась обсуждать вместе с ним, вовсе по-деловому, эту попытку скорого бегства. Под конец она и сама увлеклась оригинальной идеей, ее захватил романтизм, необычность затей.

— Я нынче же сбегаю на корабли. Я все разумею.

Мысль эта — бежать! — его обуюла. Что-то взметнулось в нем от его же «Цыган», еще незаконченных, и от бродивших в нем свежих воспоминаний о кочевьях и габоре: Алеко и есть Александр по-цыгански... Пусть хоть и дикая, да лишь бы свобода! Ночные морские мечты снова в нем закипали. Он потер себе шею, как бы теснимый тугим шелковым галстуком, скрывавшим ворот рубашки.

— А деньги?

— Денег найдем! — заговорщически ответила Вяземская.

Он побывал таки действительно и на кораблях, взяв с собою и Морали, полумавра и полунегра, к которому часто заглядывал в последнее время «отдохнуть от эпиграма». Пушкин любил от души этого «сына Египетской земли» — хоть и был мавр Али из Туниса. «Кто знает — говаривал Пушкин — может быть прадед мой был с его прадедом близкой родней». Морали был отлично сложен; красно-бронзовый лик его был рябоват. Когда-то и сам был капитаном, но для капитана несколько слишком богат, и оттого Пушкин его величал, полувшутку и полувсерьез — «корсаром в отставке».

Мавр оживился при одном слове: корабль. Он облекся для выхода в полный парадный костюм. Поверх шелковой красной рубашки статные плечи его облегла суконная алая куртка, богато шитая золотом; весь он под солнцем горел. Турецкие башмаки на ногах и чулки до колен. Два восточных платка довершали наряд: один опоясывал по талии корточки его шаровары, скрывая в цветных своих складках целый набор пистолетов, а другой белоснежный обрамлял массивную его голову. Он не расстался и со своей огромной железной палкой, похожей на лом.

Прихватил свою палиду также и Пушкин, давно перенявший эту манеру от друга-пирата.

Так они оба и шествовали мимо платанов и топодей, меж сюртуков и халатов, быстрых ребят и медлительных женщин с корзинками, минувя немало знакомых подъездов и ресторанов. Особняки перемежались с малыми домиками, кошки, свернувшись в клубок или распластавшись ничком, лежали на жарких камнях во дворе. Из восточных кухмистерских тянуло пахучим барашком и перцем, маслинами с миндалем, разноцветные фрукты покатыми горками светились в палатках. Пушкин — живой, подвижной, уже загорался новой мыслью. Черный сюртук ладно охватывал его небольшую фигуру, смуглый румянец пылал на щеках. Он быстро кивал головой многим знакомым: мужчины на дрожжах, дамы в колясках. Рядом с ним выступал Морали, высокий, плечистый и важный; из под снежной чалмы углем блистали глаза. На них оборачивались и глядели им вслед.

Под истомленным выцветшим небом плыл ветер с моря. В порту, колыхаясь, чернели крутыми боками суда, и паруса плескались лениво на отдыхе. Отдыха не было людям: чистили, мыли, грузили, ругались.

На кораблях они побывали не раз, но ниче-

го делового, конечно, не вышло, хоть и была эта мечта — покинуть Россию — совсем не простой минутной фантазией. Еще этой зимой как-то писал он младшему брату Левушке о том, как бы тихонько взять трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. «Святая Русь мне становится невтерпеж»...

Но Морали, хоть и корсар, на кораблях, где их встретили шумно-гостеприимно, проявил свою удаль главнейше в крепких напитках. Пушкин же, сразу понявший тщету своего предприятия, ничуть от пирата не отставал и, разойдясь, щекотал своего янтарного друга.

Так пировали они целых три дня. Пушкин пил много, но не хмелел, голова оставалась ясна.

Вера Федоровна, между тем, заботливо его собирала в дорогу. Пушкин к ней забегал ненадолго. Она крепко журила его, и он не обижался. Старый дядька Александра Сергеевича, Никита Козлов, со всеми делами обращался теперь непосредственно к ней, и даже коляску в дорогу, которую он деловито выглаждал и, крепко поторговавшись, купил, осматривала и принимала все она же — заботливый друг.

Ей казалось теперь, что она уже все понимает. За последние дни только раз видела Воронцову: та была необычно мрачна и, кажется, сильно страдала. Это понравилось Вяземской, и во многих своих мыслях очень она заколебалась. Что же до Пушкина... — Пушкин уедет, как уехала красавица Ризнич, о которой она только слыхала, и от этой разлуки не умер, однако, поэт. Кто-то недавно сказал про него, что предметы его увлечений могут меняться, но страсть остается одна и та же. Приблизительно так начинала думать теперь и она.

И лишь об одном Вера Федоровна даже и не догадывалась, а это второе занозой сидело у Пушкина в слишком доверчивом сердце: не знала его подозрений по поводу его лучшего друга — Александра Раевского. Подозрения эти вспыхнули остро, внезапно, хотя кое-что, по правде сказать, и ранее смутно мерещилось. Недаром однажды мелькнуло в письме... «да и не очень то знаю, что такое мои друзья»; и писал ведь как раз по поводу его обострившихся отношений с графом... но вот именно что-то было такое в самой Воронцовой в эту последнюю их бурную встречу, что осенило его:

— Раевский же вас предупреждал!

— О чем? Но ведь мы с ним вместе писали письмо об отставке!

Не этот ли друг, имевший над ним страшную силу — почти что магическую, — не он ли устроил все так, что его выгоняли теперь из Одессы? И не он ли тайком поработает графиню? Но об этом ни звука — ни Вяземской, и никому; даже в себе старался тушить или залить едкие мысли.

Петр Андреевич Вяземский должен был Пушкину за «Бахчисарайский фонтан», тот не хотел с него брать: по изданию были расходы, — да у Веры Федоровны и у самой не было денег; и однако ж достала, быть может у кого-нибудь и сама заняла, но отдала ему все. Кроме того Пушкин как раз выиграл в карты, но шестисот рублей ему недоплатили, он взял их у Вяземской же: должник его обязался ей возратить. Сборы покончены: ехать!

24-го июля Воронцов из Симферополя распорядился о Пушкине Одесскому градоначальнику Гурьеву, а 29-го от Пушкина отобрана была собственноручная подписка о выезде и о маршруте; 30-го он уже выехал.

Пушкин занимал и расплачивался. Перед самым отъездом он распахнул окно в клубном

доме, где жил, откинул рукой занавески и перевернулся на улицу. Шумела под ним конская биржа.

— Эй, кому я там должен!

Должен был многим и все услышали. В том числе и извозчик Береза, часто возивший его на дачу Рено, получил свое полностью и даже с прибавкой за долготерпение.

Вяземская, проезжавшая мимо, видела всю эту народную сцену и не могла не рассмеяться.

Самое их расставание было коротким. Книгиня к нему чуть наклонилась, поглядела, как в синее море, в глаза своего Александра и, крепко зажав бедовую эту, кудрявую голову, сильно и крепко прижала к себе, тотчас же однако и отстранив. Он поцеловал ее с чувством, с горячностью.

— Все ничего, Александр! Мы не забудем вас. Мы будем писать...

Это коротенькое и многозначительное «мы» было горячим и дорогим ему словом. Быстро он тронул где-то между бровей и повернулся на каблучках.

Уходя, он с собою унес запах ее духов и последнее, от сердца идущее напутствие:

— Ну, Александр, мужайтесь!

Думы и думы; версты и версты; почтовые станции.

Завтрак: яичница с луком, кусок ветчины от окорока, висевшего под крышей возле крыльца, стаканчик вина. Мухи шумят, бьются в стекло, картинки из библии, на скатерти красные орут петухи. Что за смотритель: нет даже дочки! Больная жена легонько постанывает за занавеской. Пушкин встал у окна. Все эти дворы похожи один на другой. Конюшня, сарайчик, крапива. Он видит, как охаживает коляску, длинный его, в бакенбардах, Никита: он и с коляской как нянька. Но на дворе оживление: встретились почты на север и с севера.

Пушкин глядел и не знал (да и как это знать!), что вовсе недавно на этом самом станционном дворе встретились также почта и почта. На север как раз шло то самое его письмо, где он давал короткую характеристику своего шефа: вандал, придворный хам и мелкий эгоист, а навстречу шло отношение к этому самому «хаму» от министра иностранных дел Нессельроде, где государь извещал свою волю о Пушкине.

Тогда так же, как и нынче, лениво, но аккуратно сумки валили в тележки, лошади так же бодро пофыркивали, ящики подправляли кушак и поглядывали, не нагрянет ли туча, а станционный смотритель с подвязанной серым платком разбитой щекой, так же невнятно и косноязычно шипел, потому что орать мешала скула. Он не был совсем от природы лихим, напротив того: скромнейшая мелочь его умиляла, он нежно любил большепузых, белясых своих ребятишек, оглаживал скатерть и восхищался умению жены вышивать простым крестиком замысловатый узор — церкви, сады, петухов, а сам загонял с вечера кур и щупал, отсаживая тех, что с яйцом; он был маленький, скромный, похожий на вербу в неполном цвету... и все же, когда был «здоров», орал превосходно, добросовестно, тем выполняя государственную свою должность. Впрочем, это не было все-таки одной лишь служебной добросовестностью, он не мог не орать по той самой причине, по которой хорошее эхо не может безмолствовать. И он был тем перекрестком, где пересекались пути низовой молчаливой России и одаренных голосом свыше господ. Но и ему, как почтальону, как ящикам, решительно не было дела до того, что таилось в баулах и сумках, пересылаемых с юга на север и с севера на юг. Это был разговор по верхам.

Воля монарха о Пушкине: вот ему самому любопытно было бы выкинуть, как все там возвышенно было изложено, а впрочем, самую суть этой воли Пушкин знал хорошо и уже выполнял. В Одессе еще он уже знал, что его письмо о том, как берет он уроки чистого «Афеизма», перехвачено было в Москве и послужило предлогом к высылке. О нем еще будет у Пушкина переписка с самим императором!

Завтрак окончен. С подорожной кончено. Смотритель вздыхает, поправляя повязку. Не только до почты, ему никакого нет дела и до проезжающего: довольно того, что не завязный драчун, а человек будто бы мирный.

Лошади тронулись и снова дорога: версты и версты, думы и думы.

ИТАЛО-АБИССИНСКАЯ ВОЙНА

Продвижение итальянских войск в Абиссинии сопряжено с большими трудностями, главным образом из-за отсутствия дорог. На снимке: итальянские солдаты за работой по прокладке дороги в горах

Через Джибути, французский порт на Красном море, прибывают транспорты военного снаряжения, которые отправляются по железной дороге в Абиссинию. На снимке: абиссинские солдаты разгружают ящики с патронами

Фото (СФ)

Абиссинская регулярная армия пополняется многочисленными партизанскими отрядами. На снимках: типы абиссинских солдат из партизанских отрядов

Фото (СФ)

Смелый художник

Это было 50 лет назад, когда над Англией взорвалась бомба, именуемая Бернардом Шоу. Шоу тогда называли краснейшим из красных, ибо это был художник, который сразу заговорил громким и боевым голосом, каким бывает голос военной трубы перед атакой.

Шоу ударил по одному из самых больных мест буржуазного общества — по религии. Тогда буржуазная пресса, буржуазное общественное мнение ополчились против Шоу, против его статей.

Он писал тогда, что стоит за агитационное публицистическое искусство. Он не хотел приглушать свой голос.

Но, будучи боевым публицистом, Шоу-писатель не был таким же боевым художником.

Его первые романы, в том числе и наиболее известный из них «Профессия Кешеля Байрона», еще как бы прячут его протест: точно за какой-то колоссальной тяжелой дверью было море ослепительного света, и художник имел еще слишком слабые мускулы, чтобы эту дверь распахнуть. Оттуда вырывался лишь луч света, слишком слабый, чтобы бороться с мраком. В этом романе Бернад Шоу не ставит со всей резкостью, как позднее, основных вопросов современного ему общества.

Он говорит только об одном: всякая профессия почетна.

Он выводит боксера Кешеля Байрона, представителя «непочетной» профессии, и через него показывает вот эту свою идею.

Но Бернад Шоу как романист был относительно слабым художником. Он по-настоящему раскрывается только в драме. Слава Бернарда Шоу — это слава драматурга, а не слава романиста.

Он пишет серию пьес, разделяя их на две категории.

Одни он называет пьесами приятными, а другие — неприятными.

Вот эти «неприятные пьесы», действительно, были неприятными для современной ему Англии.

Здесь художник говорил правду. А правда для погибающего класса страшна.

Наиболее известная и лучшая из этих пьес — это пьеса под названием «Трущобы» («Дома вдов»).
 Бернад Шоу показывает зрителю доходные дома Лондона, огромные каманные мешки, населенные несчастными бедными людьми. И он показывает, что жизнь верхних слоев общества — внешне изящная, спокойная, тонкая жизнь — покоится вот на этих трущобах. Одни должны голодать, чтобы другие были сыты. Одни должны страдать, чтобы другие были счастливы. Но не это вызвало шум вокруг Шоу. Другая пьеса заставила имя Бернарда Шоу прогреметь по всей Англии. Это была «Профессия госпожи Уоррен». Здесь Бернад Шоу выводит содержательницу публичного дома, которая гордится своей профессией, ибо это дает ей деньги.

И Бернад Шоу как бы говорит: каково же это общество, в котором содержательница публичного дома может пользоваться всеобщим уважением. Взяв такой частный факт, Бернад Шоу развивает мысль о распаде всего капиталистического строя.

Буржуазия поняла опасность со стороны того смелого художника. В ряде театров пьесу было запрещено играть.

К началу войны Бернад Шоу написал довольно значительное количество пьес. Война была великим испытанием для очень многих художников. Многие стали ярыми патриотами, разжигали ненависть и посылали людей на

бойню. Бернад Шоу был другим. Он публикует свой памфлет «Здравый смысл», который расходится мгновенно в количестве 75 тысяч экземпляров. И здесь Бернад Шоу говорит, что солдаты должны были бы уничтожать своих командиров, что война — это разрушение и гибель. Бернад Шоу сумел выдержать испытание огнем и мечем.

В вышедшей недавно в Париже книге «Через

Бернад Шоу (редкий снимок)

революцию — к миру» Ромен Роллан рассказывает, что Шоу, несмотря на колебания, все же примкнул к нему и выступил против войны.

И поэтому не случайно, что в 1918 году Бернад Шоу пишет одну из своих самых лучших пьес «Дом разбитых сердец». В этой пьесе Шоу берет один дом в Англии, где собираются люди самых разнообразных профессий: интеллигенты, дельцы, рантье, и он показыва-

ет, что у всех этих людей никаких целей, никаких привязывающих к жизни интересов не осталось. Это точно кожа из-под апельсина: мякоть съедена, а кожа осталась.

Пьеса имеет глубокий смысл. «Дом разбитых сердец» — это Европа, и о ней говорит Шоу в этой пьесе. Он видит все, что сделала война, и говорит буржуазной Европе: «Вот что вы такое, вы — страна разбитых сердец, вы люди без веры, без надежды, без уверенности...»

И не случайно пьеса кончается катастрофой. Таким людям нечего делать в мире, они могут лишь погибать.

Так художник, отталкивая одной рукой старый мир, который катится в пропасть, одновременно поворачивается к другому миру — к нашей революции. Бернад Шоу печатает статью в защиту советской России. Уже в период мирного строительства он пишет о пятилетнем плане и приезжает потом в СССР.

Бернад Шоу уже старый художник, но легко быть молодому молодым и трудно старому быть юным. А Бернад Шоу являет собой замечательный пример вот такой бодрой и по-настоящему жизнерадостной юности старика.

Последний сборник пьес Бернарда Шоу, вышедший в Лондоне, включает одну пьесу, которая является творческим ответом художника на его посещение нашей страны.

В этой пьесе «Хорошо, но правда» Бернад Шоу показывает страшный мир по ту сторону наших границ. Он берет и старых и молодых людей, и каждый из них — не то сумасшедший, не то больной. Люди обеспокоенные становятся бандитами, грабителями, офицеры английской армии бросают свои чины и становятся простыми солдатами, ибо ни во что не верят. Ученые перестают верить в науку. И вот все они узнают о том, что есть Союз разумных республик (это, конечно, СССР выведен под этим названием). И они хотят поехать туда, но Союз разумных республик берет только одного человека, ибо, как говорит один из героев этой пьесы, сумасшедшие люди там не нужны. Шоу здесь издевается над старым обреченным миром.

Было бы наивно думать, что Бернад Шоу — пролетарский революционер. Шоу попрежнему думает, что в мире все можно изменить постепенно, без революции, что новый строй может вырасти, как вырастает ребенок, — незаметно и постепенно. Вот однажды проснутся люди и, оказывается, пришел социализм: солнце то же самое, жизнь, кажется, та же самая, но уже пришла новая эпоха.

Так в жизни не бывает. И Бернад Шоу до сих пор не может понять, что такое мирное пришествие людей в социализм немислимо, что это утопия, которая никогда не будет действительностью.

Но Бернад Шоу — художник, который открывает свои глаза на мир, который сердце свое, мозг свой открывает для правды жизни.

Это художник, смело смотрящий на мир, его пьесы пронизаны большими мыслями. Это художник, который думает о мире, страдает его болями и радуется его радостями. Не случайно поэтому Бернад Шоу — честный и преданный друг Советского Союза — поднимал свое перо как оружие в защиту нашей страны после Октябрьской революции.

Пьесы Бернарда Шоу — всегда отточены. Это произведения, где каждая фраза отделяется художником, где сталкиваются яркие и блестящие мысли. Пьесы Бернарда Шоу — это борьба столкновений, борьба мнений. Пьесы Бернарда Шоу — это его идейная борьба со старым порядком.

Самообольщение Иова Стротта

Рассказ Л. Лагина

Рисунки худ. Л. Генча

Вот почему слава о «Золотом Багдаде» прогремела по всей стране.

Даже ребенку понятно, что дело не в его каких-то особенных достоинствах. Споры нет, — это самый шикарный ресторан в Хеммингтауне. В него не пускают посетителей, если они не одеты во фраки или бальные платья. И это уже кое-что значит. «Золотой Багдад» вырастает перед вами лишь только вы начинаете подниматься из порта в город. Он расположен на высоком холме, в лучшей части города, как раз против восточного парка. Весь из стекла, он блестит на пурпурном фоне заката, как хрустальный фонарь из волшебной сказки. И так далее. И тому подобное. Словом, очень красивый вертеп.

И все же «Золотой Багдад» остался бы заурядным провинциальным рестораном, если бы не так давно его владелец Иов Стротт не вызвал к себе старшего официанта для очень важного разговора.

— Мне очень грустно, — сказал Иов Стротт, — но мне приходится просить вас передать своим коллегам, что с будущей недели я вынужден снизить заработную плату на двадцать процентов.

Тогда старший официант попросил полчаса времени, чтобы посоветоваться с остальными официантами. Но он вернулся значительно раньше срока и заявил:

— В таком случае мы будем бастовать.

— Вы самообольщаетесь, дорогой Перкинс, — возразила ему старая лиса Иов Стротт. — Вы забываете, что в городе имеется по крайней мере полтора десятка тысяч людей, которые с удовольствием заменят вас в ресторане. Ну вот, сами скажите, сколько по вашим сведениям в Хеммингтауне безработных?

— Что-то около девятнадцати тысяч человек, — ответил без особенного энтузиазма Перкинс.

— Ну вот, видите, дружище, — говорит тут сданным голосом Стротт, — а вы собираетесь бастовать. И это не имея за душой ровным счетом ничего, кроме одной черной фрачной пары.

Тогда Перкинс сказал, что дальнейшие разговоры ни к чему, и ушел. И вместе с ним ушли и остальные двадцать девять официантов, и ресторан пришлось закрыть, хотя не было еще и двенадцати часов ночи, потому что некому было обслуживать тридцать столиков ресторана. Это был, как вы сами понимаете, очень шикарный ресторан, и каждый столик обслуживался в нем отдельным официантом. И было уже поздно вызывать молодцов из «Технической помощи», так что пришлось извиниться перед клиентами и закрыть ресторан.

Отсюда и начинается история о знаменитых чаепитиях в «Золотом Багдаде», и это одновременно будет историей о том, как Иов Стротт получил на всю жизнь нервный тик, в чем вы сами можете убедиться, если побеседуете с ним на любую тему две-три минуты. Правда, врачи говорят, что это излечимо, — но какой частнопрактикующий врач сказал бы обратное своему богатому пациенту.

В одном нельзя отказать штрейкбрехерам из

«Технической помощи» — они были очень аккуратны. Ровно к трем часам, когда обычно скрывается ресторан, тридцать изящных и надушенных молодых людей в безукоризненных черных фрачных парах стояли около буфетной стойки в ожидании посетителей.

Нужно отдать справедливость, никогда за все время существования «Золотой Багдад» не видел такого массового появления клиентов. Посетители шли буквально косяком, совсем так, как идет килька на западном побережье. В три часа открылся ресторан, а в пять минут четвертого все тридцать столиков были уже заняты. Тридцать чисто выбритых джентльменов, одетых в радующие взор фрачные пары, расселись за столиками со своими тридцатью дамами в платьях бального типа. Между нами говоря, они скорее даже смахивали на подвечные платья, но я не специалист по портновской части.

В десять минут четвертого к ресторану подъехал сам Иов Стротт. Он никогда не приезжал так рано, но сегодня ему как-то не сиделось дома. Тогда он взял машину и поехал прямо в ресторан. И он сразу же спросил у швейцара:

— Ну, Джимми, как дела? Много ли посетителей?

— Полным полно, — ответил швейцар и прыснул со смеху. — Все тридцать столиков, как один.

Тогда Иов Стротт быстро бросился в зал, потому что он не верил, что в течение десяти минут ресторан может переполниться клиентами. И он увидел, что Джимми не врал. Больше того, он увидел, что официанты из «Технической помощи» стоят около столиков, как будто бы столики были не заняты. И еще больше того: он увидел, как тридцать джентльменов и тридцать леди с мелодичным звоном помешивали сахар в шестидесяти стаканах чаю.

В том, что мистер Стротт прошептал, совершенно не обеспокоенный в свой кабинет, мы видим еще одно доказательство того, что он был близорук.

Он просидел с часок, размышляя о том, что

сейчас делают Перкинс и его двадцать девять товарищей и на который день они придут к нему с повинной. Он уже в общих чертах составил ту отечески строгую речь, которой он должен был встретить строптивых официантов.

И как раз тогда, когда он придумывал один чрезвычайно изящный оборот речи, в кабинет вошел буфетчик О-Флаган, между нами говоря, довольно подлая личность и отчаянный холуй.

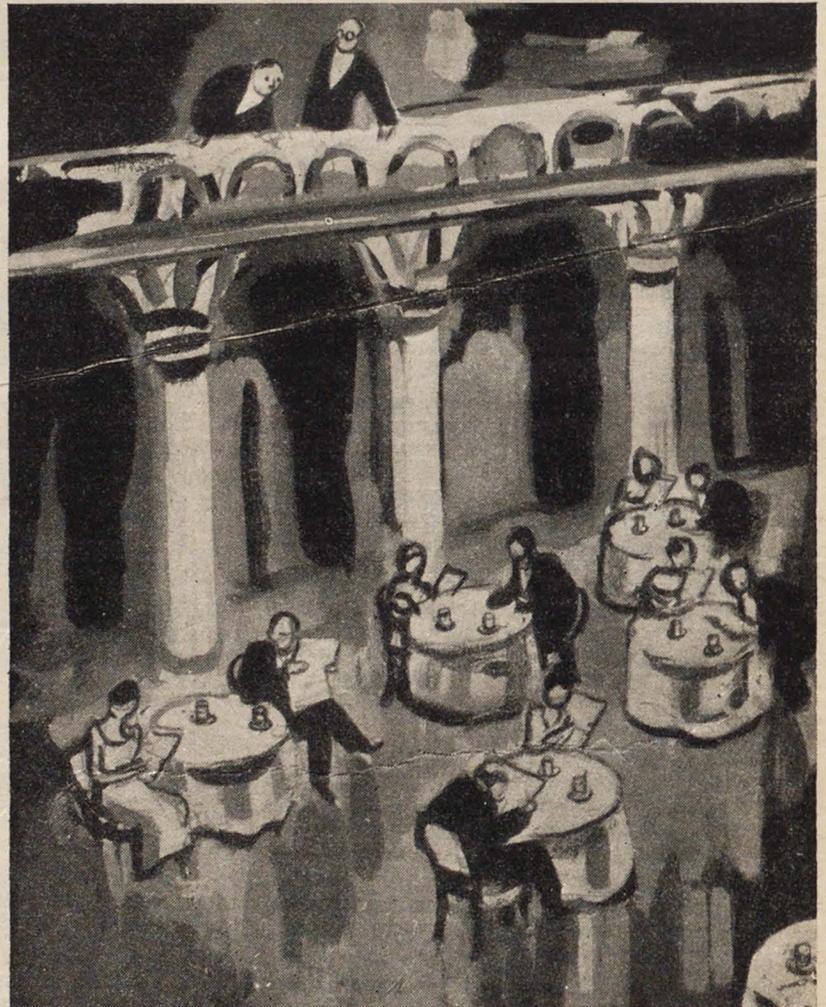
— Хозяин, — простонал он и без разрешения опустил в кресло, — вы видели, что делается в зале? — И он повел Иова Стротта вниз, к столикам, и Иов Стротт увидел, что все тридцать столиков заняты его бастующими официантами. А за первым столиком сидел сам Перкинс со своей пожилой женой и важно читал газету. И перед ним и перед его женой стояли чуть пригубленные стаканы уже холодного чая. И за всеми остальными двадцатью девятью столиками тоже сидели официанты и с видимым интересом читали газеты и журналы. И так продолжалось до четырех часов утра, когда пришел час закрыть ресторан. За это время много раз играл оркестр, и официанты церемонно приглашали своих дам танцевать. И они танцевали с ними вальс и фокстрот, румбу и снова садились за столы и чуть прихлебывали чай.

И приходили завсегдатаи ресторана со своими дамами. Они ругались, что нет свободных столиков, и уходили, заявляя, что они здесь в последний раз.

Тогда Иов Стротт осатанел от злости и хотел звонить в полицию, чтобы ему очистили зал, но О-Флаган сказал, что из этого дела ничего не выйдет, так как все они ведут себя прилично и одеты согласно требованиям ресторанного этикета.

— Ладно, — крикнул тогда Иов Стротт бастовщикам, — сегодня вы меня провели, но завтра я буду уже умнее. Завтра никого из вас не пустят и на порог этого дома. Мною уже отдано об этом распоряжение швейцару.

На другой день Иов Стротт, как вы сами понимаете, приехал уже раньше трех часов. Ровно в три часа открылся ресторан и ровно в пять минут четвертого все тридцать столиков

Тридцать джентльменов и тридцать леди с мелодичным звоном помешивали сахар в шестидесяти стаканах

БАБУШКА

У ворот автомобиль зафыркал:
Входят люди, просят молока.
Злая пыль на смятых безкозырьках,
На сожженных солнцем пиджаках.
Старший запах яблочный почуял,
Щурится на свет, выйдя из тьмы.
«Разреш, хозяйка, заночуем,
Поздний час, и притомились мы».
Осмотрели карточки на стенках,
Грамоту посереде стены,
Молоко с коричневою пенкой
Пили, запрокинув кувшины.
Улеглись под небом на холстинах.
Как бычок, автомобиль стоит.

Самый шустрый так похож на сына,
Что Деникой в юности убит.
Было небо звездами богато,
Мокрой теплотой дышал лиман.
Словно белая большая хата,
Трех заезжих обступил туман.
Поднялись, когда чуть-чуть светало,
Видно, спать им не дают дела.
Только я namного раньше встала,
Им в дорогу пышек напекла.
Молодые, а какая сила:
В дом войдут—и станет выше дом!
Что за люди—расспросить забыла,
Завели мотор и пыль столбом...

были заняты тридцатью джентльменами в безукоризненно-черных фрачных парах и тридцатью дамами. Тридцать джентльменов из «Технической помощи» подошли к ним, чтобы принять заказ. И ровно через две минуты шестьдесят ложек звенели, размешивая сахар в шестидесяти стаканах чая. Иов Стротт бросился вниз и увидел совершенно незнакомых безукоризненно выбритых и одетых джентльменов.

И эти тридцать пар провели свое время в ресторане до четырех часов утра, когда ресторан полагается закрывать, и они выпили только по одному стакану чая и прочитали все газеты и журналы, которые лежали на столиках.

Тогда Иов Стротт обратился к своим необычайным посетителям с речью. Он сказал им, что каждый джентльмен и каждая леди вольны пить и есть что им угодно и в этом отношении он, Иов Стротт, целиком полагается на промысел божий, но что если тридцать джентльменов и тридцать леди проводят в ресторане больше двенадцати часов и выпивают за это время только один стакан чая и поедают принесенные с собою из дому бутерброды, то на его, Иова Стротта, взгляд, это скорей всего смахивает не на промысел божий, а на всякие штучки со стороны забастовщиков, и что он поэтому с глубоким прискорбием должен просить их не появляться больше в его ресторане, потому что все они уже сфотографированы и швейцару приказано завтра никого из них не пропускать.

А на третий день Иов Стротт приехал в ресторан уже в два часа. В три часа открылся ресторан, а в десять минут четвертого все столики были заняты. Тридцать джентльменов и такое же количество незнакомых леди размешивали шестьдесят стаканов чая, и они занимались этим богопротивным занятием до четырех часов утра, когда уже пора было закрывать ресторан. И за это время много раз приходили и ни с чем уходили завсегдатая ресторана, так как негде было поставить добавочного столика.

И точно так же происходило дело и на четвертый день и на пятый. И все это время буфет не торговал ни на один пенни. Мясо портилось в кладовых кухни. Горы неиспользованных овощей пришли в негодность и были выброшены на свалку. Каждый день привозили в ресторан румяные свежие хлеба и хлеб лежал без движения, и на другой день его уволили обратно. А повара на кухне сидели без дела, и они имели достаточно времени для разговоров о политике и издевательств над своим хозяином Иовом Строттом.

А на шестой день Иов Стротт, ночевавший в ресторане, пожелтевший, небритый и с подергивающейся в нервном тике правой щекой, вызвал к себе старшего официанта Джима Перкинса для важного разговора.

— Мне очень грустно, — сказал Иов Стротт, — но я вынужден просить вас сообщить мне, когда это дело кончится? И, кстати, скажите, кто эти джентльмены, которым так нравится пить у меня чай?

И Джим Перкинс ответил, что кончится это тогда, когда требования забастовщиков будут удовлетворены. Что же касается джентльменов, которые изо дня в день портят настроение владельцу «Золотого Багдада», то он может не беспокоиться. Это очень честные и порядочные люди, лишенные, к сожалению, в настоящий момент работы.

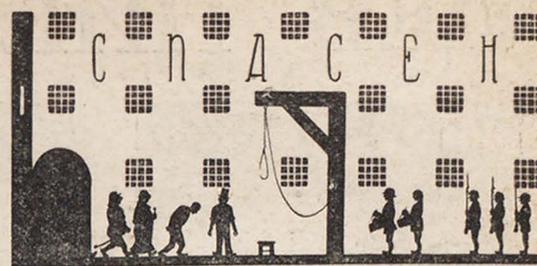
— Но где они взяли фраки? — удивился Иов Стротт.

— Это очень долго рассказывать, — ухмыльнулся Перкинс. — Конечно, нам пришлось наряжать их в свои фраки. И это была чертовски трудная работа. Нужно было подобрать безработных такой же комплекции, как и мы. В первый день пришлось долго уламывать людей, чтобы они шли к вам пить чай. Но потом всем это страшно понравилось, и в комитете безработных отбою не было от парней, которым хотелось вместе со своими дамами принять участие в этом небольшом развлечении. А портные выделили десять своих безработных, которые только и делали, что по ночам утюжили наши костюмы. И знаете, это всем так понравилось, что очередь на посещение «Золотого Багдада» расписана на сорок два дня вперед. Что же касается дам, то с ними было значительно легче. Каждая из них с удовольствием утюжила свое подвечное платье. Вы ведь знаете женщин, они скорее продадут свои ботинки и будут ходить на руках, нежели продадут свое подвечное платье. Ведь помимо всего прочего, каждое подвечное платье в глубине души чуть-чуть бальное.

Тогда Иов Стротт почти заплакал и спросил:

— Скажите мне, старина, сколько же в городе безработных? — И Перкинс ответил: — Что-то около девятнадцати тысяч человек. — И Иов Стротт подсчитал, что, если даже положить по тридцать безработных в день, то это обеспечит не более и не менее как шестьсот чаепитий в «Золотом Багдаде» и что за это время он свободно может двадцать раз вылететь в трубу. Тогда он вздохнул и сказал неестественно приятным голосом:

— Знаете что, старина? Становитесь на работу. Мне уже надоело торговать чаем.

Окончание. Начало см. стр. 4.

Прибежали стражники и отнесли его в тюремную больницу. Дежурный врач покачал головой... К вечеру Наталь лежал в горячке, а в полночь врачи признали его положение очень серьезным и единогласно констатировали отречение.

Тяжело больных осужденных не вешают, поэтому в ту ночь виселица пустовала. Вместо этого Наталью сделали выкачивание желудка, и анализ съеденной пищи показал присутствие смертельного яда, который содержался в остатках непереваренной колбасы. Медики установили, что колбаса, под влиянием тепла, разложилась и выделила трупный яд, который тяжело отравил Наталью. Немедленно был произведен осмотр у колбасника, от которого поступила колбаса, и обнаружилось, что тот пренебрегал санитарными предписаниями и не держал колбасу в леднике. Дело было передано в

Наталь скорчился, чувствуя нестерпимые судороги...

прокуратуру, которая тотчас учинила дознание по делу о нарушении правил охраны общественного здоровья.

Среди тюремных врачей, пользовавшихся Наталью, был молодой, добродетельный врач, который с особым интересом изучал весь ход болезни и всеми силами старался сохранить больному жизнь, так как случай был очень тяжелый и поучительный. Днем и ночью он усердно выхаживал больного и через 14 дней мог, наконец, объявить:

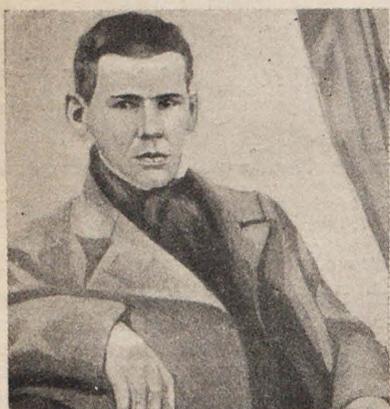
— Вы спасены.

На следующий день Наталь был исправнейшим образом повешен, ибо теперь его тело могло уже выдержать подобную процедуру.

А мясник, который своей колбасой продлил бремя Натальевой жизни на 14 дней, — был приговорен к трем месяцам тюрьмы за нарушение санитарных правил. Врач же, сохранивший жизнь Наталью, получил благодарность от министерства юстиции.

Перевод ЮР. АКСЕЛЬ

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

1848 г. После ухода из университета

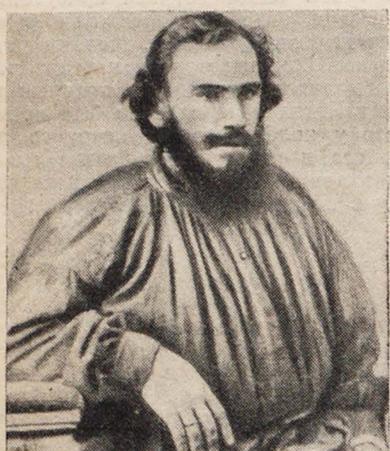
1854 г. Перед отъездом в действующую дунайскую армию

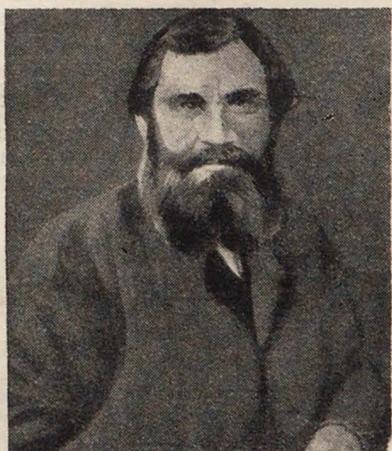
1856 г. Написаны «Юность» и «Утро помещика»

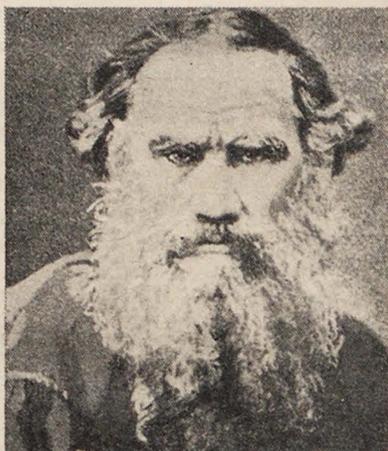
1862 г. Педагогическая деятельность

1868 г. Работа над «Войной и миром»

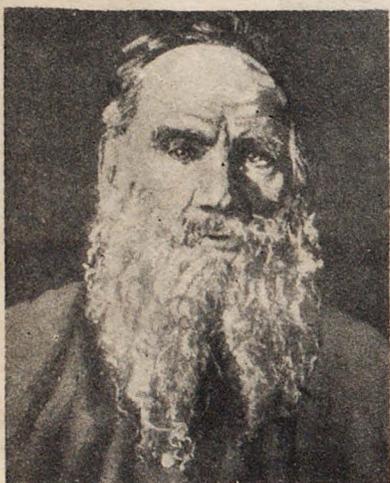
1874 г. «Анна Каренина»

1886 г. Написана одна из первых пьес: «Власть тьмы»

1892 г. Толстой организует помощь голодающим крестьянам

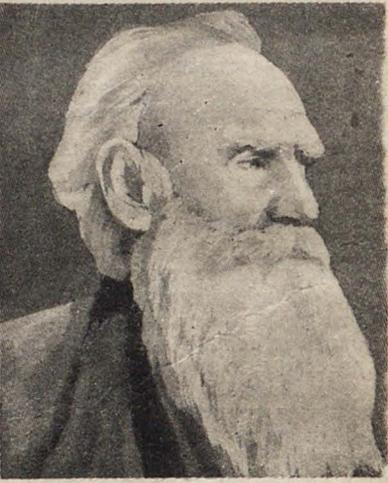
1894 г. Написан «Хозяин и работник»

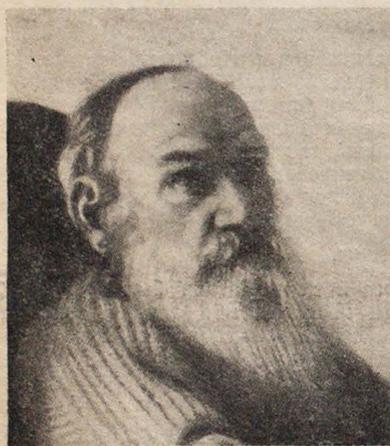
1895 г. Возобновлена работа над «Воскресением»

1896 г. «Что такое искусство»

1908 г. «Не могу молчать»

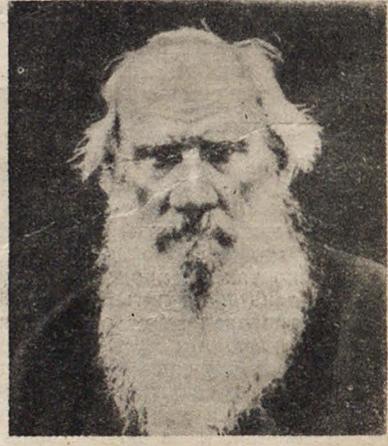
1908 г. «Кто убийцы»

1909 г. «Нет в мире виноватых»

1910 г. «Действительное средство»

1910 — год смерти. Последний портрет

КАК РАБОТАЛ Л. Н. ТОЛСТОЙ

Полное собрание сочинений Толстого, выпускаемое Гослитиздатом, будет состоять из 95 томов, и в него войдут все художественные и теоретические произведения с черновыми вариантами, письмами, дневниками и проч. Если бы сохранилось решительно все написанное Толстым (погибло немало черновиков и, по видимому, дневники, а также много писем), то к 95 томам прибавилось бы, вероятно, еще томов 10. Такова громадная литературная работа, проделанная Толстым. Он принадлежит к числу наиболее плодовитых писателей. Но в то время, как у других писателей, наряду с шедеврами — немало произведений слабых по содержанию и форме, все написанное Толстым (за исключением крайне небольшого количества) значительно и сильно.

Чем же объясняется столь высокое качество его творчества?

Прежде всего, разумеется, необыкновенным литературным даром. Однако, первостепенное значение имеет и тот метод работы, который он совершенствовал на протяжении всей своей жизни.

На свой писательский труд он смотрел как на духовную деятельность, не могущую подчиняться каким-либо практическим соображениям. Вот почему во второй половине своей жизни, когда Толстой еще строже относился к своему писательскому делу, он перестал брать деньги за сочинения и отказался от каких бы то ни было прав собственности на них, являя в этом отношении единственный пример в истории литературы.

Этот отказ лишил его огромного состояния, равнявшегося миллионам рублей. Немало неприятностей причиняли ему издатели, всегда протестовавшие против слов «no rights reserved» (права собственности не закреплены) на его сочинениях. Из-за этой надписи их доходы значительно уменьшились тем, что на другой же день после появления какого-либо сочинения Толстого все другие издатели могли свободно его перепечатывать.

В. Г. Чертков долгие годы состоял его уполномоченным по сношению с иностранными и русскими издателями, и целый ряд статей Толстого ему даже вовсе не удавалось печатать из-за этого непризнания их собственностью автора. Тем не менее Толстой всегда оставался непреклонен в своем решении.

Еще в юности, несмотря на то, что он вырос в праздной обстановке, он пришел к выводу, что неустанный, упорный, напряженный труд обязателен для каждого. И его собственная жизнь вся прошла под знаком такого труда. С утра до вечера Толстой был поглощен работой, прерываемой лишь для отдыха. Необходимым же отдыхом, восстанавливавшим его умственные силы и обогащавшим его творческие способности, был для него опять-таки труд: какая-либо тяжелая физическая работа (он пахал, косил, был печником, плотником, землекопом, лесорубом, сапожником и проч.). В последние же годы, когда он уже ослаб физически, — много ходил пешком или ездил верхом.

В самый последний год своей жизни Толстой вдруг отказался было от верховой езды, решив, что это недопустимая роскошь. В. Г. Чертков, зная, какое большое значение имели прогулки верхом для поддержания здоровья Льва Николаевича и как необходимы они для его плодотворной творческой работы, всеми силами уговаривал его продолжать езду. В конце концов, под влиянием его неотступных просьб, Толстой опять стал ездить. И еще накануне своего ухода из Ясной Поляны, т. е. за 10 дней до смерти, он сделал на лошади километров двадцать пять.

Колоссальное количество черновых рукописей его произведений свидетельствует о сказочном труде, затраченном им на их писание. Такое капитальное сочинение, как «Война и мир» переписывалось целиком около десяти раз. А статья «Предисловие» к книге «Путь

жизни», писавшаяся в последний год его жизни, насчитывает более ста вариантов!

Он не допускал небрежности, неряшливости. Его взыскательность к самому себе, как к писателю, не имела предела. Случалось, что он закончит какую-либо работу и отдаст ее в печать, а через некоторое время берет ее обратно и вновь перерабатывает, переписывает, сокращает, улучшает. У В. Г. Черткова сохранилась масса писем и телеграмм о том, что такие-то и такие фразы надо выбросить и вставить другие, или что вместо такого-то слова следует вставить новое.

Еще в начале своей литературной деятельности Толстой усвоил, что всякое произведение выигрывает от сжимания, сокращений, выкидывания всего второстепенного. Быть может, это происходило оттого, что в его сознании всегда носилась тьма образов, мыслей, чувств, и все это просилось на бумагу. Нагроможденное же вместе, одно теснило другое и делало менее ярким, выпуклым, убедительным основное содержание сочинения. Он выкидывал страницы, главы, целые части. Иногда у него даже останавливалась рука во время этой хирургической операции, но в конце концов он все-таки был к себе безжалостен. Однажды он признался Черткову, что ему бывает жалко расстаться со многими выбрасываемыми им местами и что это иногда приводит его в замешательство. Тогда Чертков предложил ему обозначать эти места словом «пропуск», чтобы их сохранить и, при случае, отдельно воспроизвести. Он обрадовался такому выходу из положения, стал часто употреблять это обозначение и не раз потом говорил Черткову, что этот способ очень облегчил ему работу.

Толстой считал, что каждому сочинению должна соответствовать определенная, и никакая другая, форма. Тема своей силой и глубиной сама собой должна выливаться в известную форму. Таким образом, главное — содержание, форма должна явиться следствием. В своей практике он испробовал много повествовательных жанров, но к концу жизни остановился преимущественно на коротком рассказе.

Толстой никогда не стремился к изяществу, утонченности языка. Он не отличался у него, как известно, особыми красотоми, легкими оборотами, блестящей отделкой. Язык его очень прост, часто даже не вполне гладок, зато поражает своим эпическим спокойствием, силой, ясностью, точностью, образностью. Ничего другого он и не требовал от себя. Однако и это не давалось ему само собой, а достигнуто было путем напряженных усилий.

Вдохновения перед тем как приступить к писанию, Толстой не ждал. Он садился за стол изо дня в день, как исполнительный поденщик. В процессе работы вдохновение пробуждалось, но случалось, что и не приходило, тем не менее он продолжал работать. И часто творил с болью, со слезами.

Для писания художественных вещей ему необходимо было одно обязательное условие — душевное спокойствие. В волнении он не мог творить. И как много потеряла мировая литература оттого, что домашняя обстановка не содействовала этому!

Бежав из дому в глухую октябрьскую ночь, он на другой же день, несмотря на все предшествующие волнения и утомительную дорогу, опять почувствовал в себе пробудившегося художника и наметил четыре темы для рассказов. Они ему очень нравились. Об одной из них, «романе Грушеньки», он даже писал: «чудный сюжет». Ему, однако, не удалось их осуществить. Боясь погони, он не хотел оставаться на одном месте и поехал дальше. Разумеется, силы 82-летнего старика не выдержали такого напряжения. В дороге он заболел, сошел на станции Астапово, где его приютили в маленьком железнодорожном домике, и здесь скончался, унеся с собой свои последние художественные замыслы.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Окончание. Начало см. стр. 2

На следующем этапе, когда распад старой дворянской жизни, под натиском победившего капитализма, становится более ощутительным, когда вопрос «кто кого» между феодализмом и капитализмом разрешается в пользу новых капиталистических отношений — Толстой переоценивает дворянское прошлое.

Перед ним с особой отчетливостью выступает отраденское бытие, глубочайшая несправедливость усадебного благополучия, которое базируется на бесконечных несчастиях и поруганиях трудового человека.

Толстой впоследствии много раз писал о чувстве глубочайшего стыда за своих близких, за свою собственную жизнь, поскольку вся дворянская роскошь этой жизни покупалась страшным трудом и унижением крестьянства.

И если первые тридцать-сорок лет творчество Толстого определялось главным образом слепотой к социальной жизни и глубокой проникновенностью в показе внутренней жизни близких ему усадебных людей, то творчество его последних тридцати лет находилось под знаком осознания социальных несправедливостей.

Толстой выступил тогда обличителем общественной лжи и фальши, обличителем помещиков и крепостнической эксплуатации. Толстой — протестант и бунтарь, отрекшийся от мира богачей и насильников, от мира социальных паразитов и бездельников. Толстой, ищущий пути к освобождению человечества. Но, насколько он был силен в избличении господствующих классов, насколько он был неутомим в их критике — настолько он был слаб и беспомощен в нахождении рецептов для обновления человечества, для освобождения мира от социальных насилий и несправедливостей.

Здесь сказалось то, что весь творческий путь Толстого был определен не наступлением рабочего класса — он навсегда остался слепым и глухим к путям борьбы рабочего класса — а распадом феодального мира и бессильным бунтом и протестом того патриархального крестьянства, которое, как и сам Толстой, осталось слепым к путям борьбы и освобождению рабочего класса.

Строители социализма со всей решительностью отвергают рецепты освобождения мира, которое Толстой проповедывал. Но в критике собственнического мира они находят в творчестве Толстого богатый арсенал для взрыва старых порядков, точно так же, как для создания нашей новой литературы — социалистического реализма — находят чрезвычайно много ценного, глубоко-поучительного в реализме Толстого.

Тургенев прозвал Толстого «великим писателем земли русской».

Но если имя Толстого уже в дни его смерти было известно большим массам русских трудящихся, то его произведения читались лишь узким кругом, так называемого образованного общества.

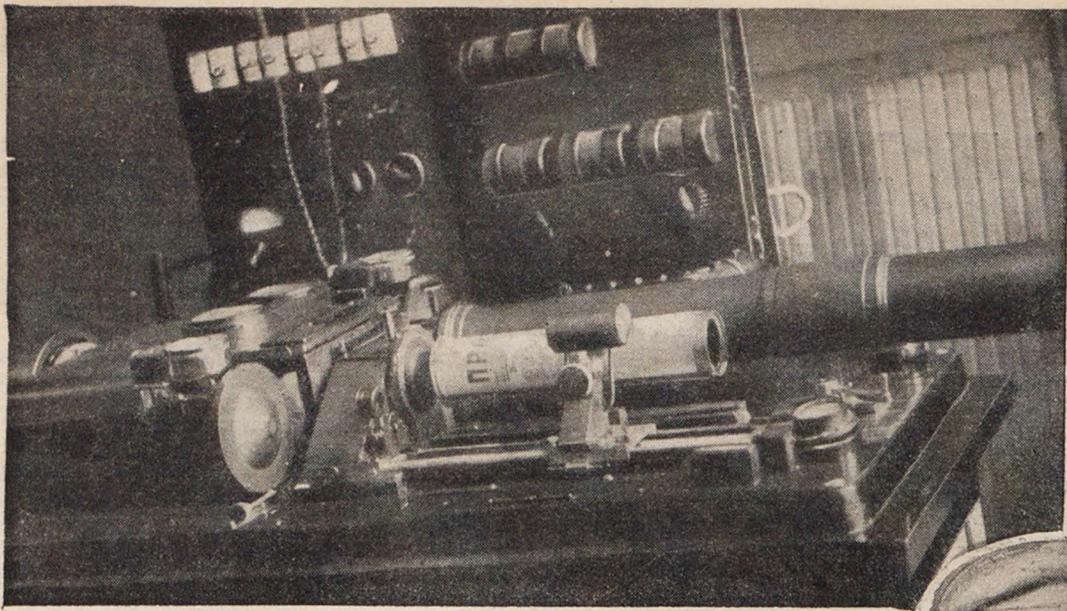
Рабочим, а тем более многомиллионным массам крестьянства в условиях царской капиталистической неволи было не до чтения книг Толстого.

Ленин писал:

«Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот».

Сейчас его произведения действительно стали достоянием всех, ибо был совершен социалистический переворот. Эти произведения стали достоянием всех благодаря тому, что тот старый порядок, против которого восстал Толстой, был свергнут не методом Толстого, а методом Ленина и Сталина.

Победа социализма в нашей стране делает возможным плодотворное использование многомиллионными массами гениального художественного наследия Толстого.

Первый советский фото-телеграфный аппарат конструкции инженеров Захарова и Куликовского передает по телеграфу копии газетных полос. На снимке: передача по бильдаппарату газеты «Правда»

Фото (СФ)

В Минске началось строительство нового жилого дома. На снимке: зал выставки и скульптура «Радиотехника»

ПО СО

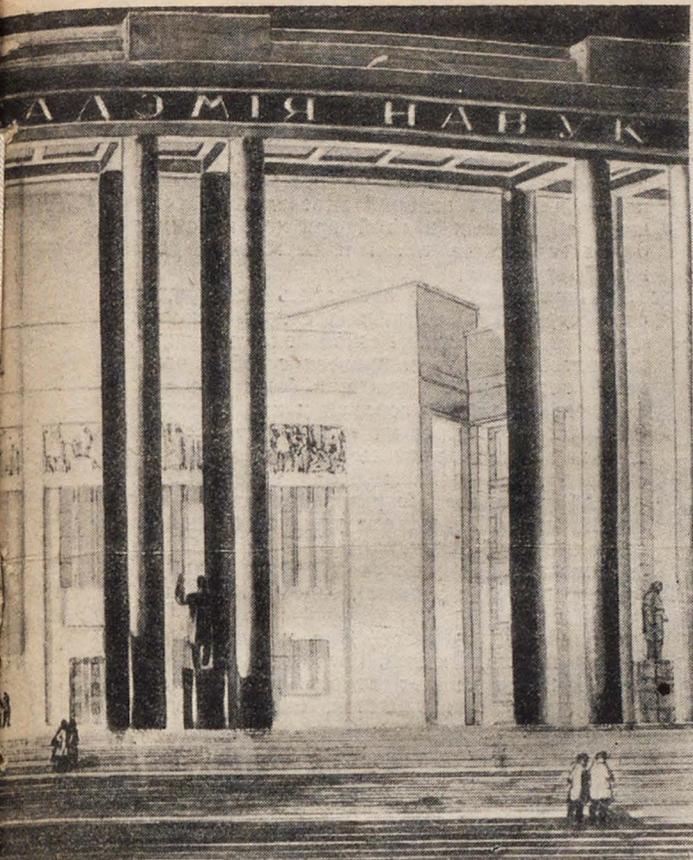
Новый жилой дом работников искусств на Кировском проспекте в Ленинграде

В украинском Доме Красной армии в Киеве открылась выставка картин и скульптуры командиров и членов семей начсостава Киевского военного округа. На выставке показано около 300 картин. На снимках: зал выставки и скульптура «Радиотехника» — т. Игнатъева
Фото Календо (СФ)

Почетные пионеры — Народные артисты Республики О. А. Книппер-Чехова и И. М. Москвин — на юбилее «Пионерской правды» в Доме Союзов (Москва)
Фото Кислова (СФ)

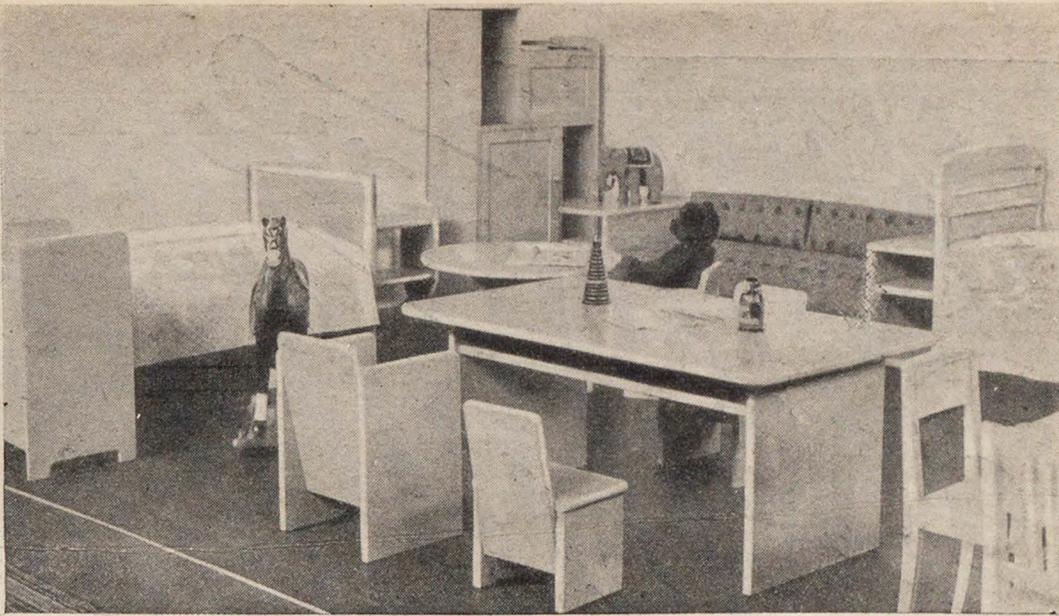

Белорусской Академии наук по проекту архитектора Ланг-
 имке: проект фасада главного корпуса
 Фото Попова (СФ)

СТРАНЕ ВЕТОВ

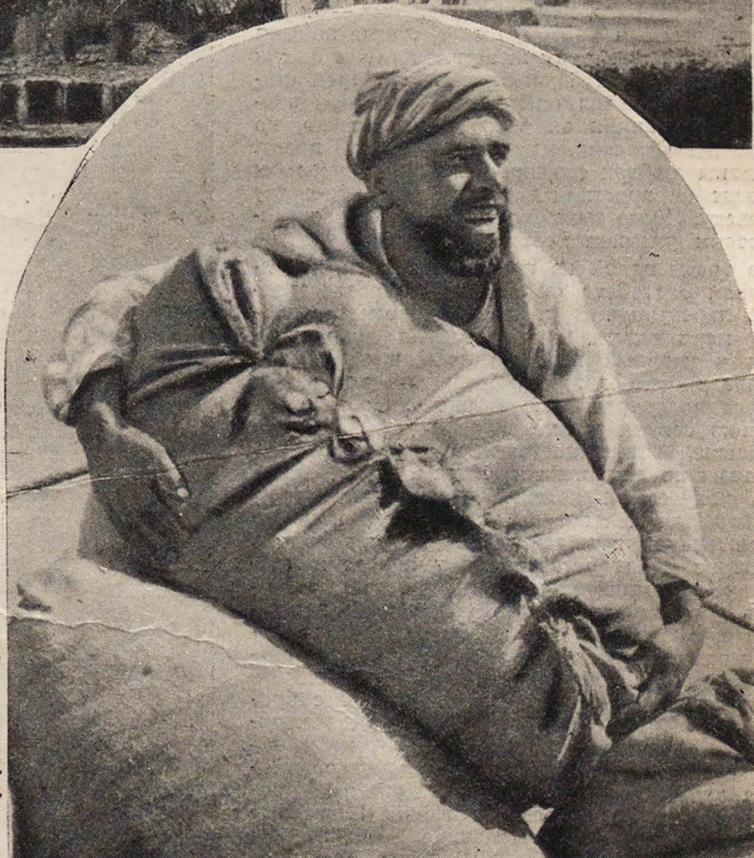
В столице Туркменской ССР — Ашхабаде — в этом
 сезоне работают 7 театров. На снимке: Театр нацмен — в
 заново переоборудованном для него здании
 Фото Зайцева (СФ)

В Москве открылась выставка новых образцов мебели. На снимке: детская мебель
 Фото Сабельникова (СФ)

Вблизи Ялты, на бе-
 регу Черного моря,
 выстроен санаторий для
 работников Наркомата
 Совхозов. На снимке:
 главный корпус санато-
 рия
 Фото Брагина (СФ)

Тов. Абдурахманов —
 лучший ударник колхо-
 за имени Файзуллы
 Ходжаева в Старой Бу-
 харе — грузит хлопок
 на автомобиль для от-
 правки на заготовитель-
 ный пункт
 Фото Юсупова (СФ)

Б. Ларин и
З. Хауэревин

Сирийские Замечтки

Навстречу нам шел деревенский старик с тусклым морщинистым лицом. Сирийская кефийе—повязка с длинным концом—стягивала его голову. Он шел и бормотал что-то: песню или ругательство. Это был отец покойной Эмили Абдуллах.

Габриэль шепнул нам:—«Великий скандал. Жалостная история».

Невдалеке от улицы Старый Почт жил французский офицер Антуан Леблэ. Артиллерист и наездник, игрок и хороший службист—он отличался веселым нравом, был сухощав, поджар и нравился бейрутским женщинам своим лихим видом и небрежной улыбкой, за которой угадывалась обильная опытность столичной птицы. С женщинами он разговаривал нежно, но покровительственно, как с младшими по полку. Но дамы любили его, прощая ему то, чего бы никогда не простили действительно хорошему человеку. Леблэ знал это и широко пользовался своим умением побеждать.

Во время одной из прогулок верхом, к развалинам Баальбека, он остановился возле арабской деревушки. В домике у дороги помещалась маронитская школа, откуда доносились смех и нервный голос учительницы. Офицер привязал коня к ограде бензиновой колонки и пошел по направлению к школе. Поставив несколько секунд у входа, он с улыбкой, обозначающей возможность нового приключения, поднялся по лестнице и вошел в дом. В большой полутемной комнате стояли скамейки и пюпитр для лектора. В углу сидело несколько мальчиков в маленьких школьных фесках.

Антуан Леблэ остановился у порога и сказал: «Здравствуйте, дети, можно мне послушать урок вместе с вами?» Мальчики застенчиво промолчали. Офицер, пройдя по голубому половику, сел на подоконник и стал рассматривать валяющиеся там книги. Толстый том «Первых шагов сирийца» лежал рядом с брошюрой «Почему нам дорога Франция»; маронитская библия с Ливанским хребтом на обложке помещалась возле растрепанного учебника торговых задач. Темный слой пыли покрывал весь этот арсенал знаний. Незаметно в классе появилась учительница.

Среди бейрутских арабов встречаются длинноногие женщины с лицом сахарного цвета,

на котором блестят большие, карие, невыразимо выпуклые глаза. Учительница принадлежала к этому типу красавиц.

Заметив Леблэ, она подошла к нему и протодушно сказала:

— Что делаете здесь, господин офицер?

— Благодарю вас, барышня,—ответил Леблэ,—услышав ваш прекрасный голос, я счел своим правом чести познакомиться с вами.

Эта армейская любезность показалась девушке удивительной.

— Бог мой, не стоило труда,—покраснев, сказала она.—Честное слово, вы сделали мне приятно.

Леблэ не уходил. Дети глядели на его погону, саблю и красивый мундир. Скомкав урок, учительница поспешно отпустила класс домой.

Оставшись в пустой комнате, они еще немного поболтали, потом условились встретиться в городе — на набережной Комо у второй кофейни. Учительницу звали Эмилия Абдуллах.

Летом офицера и арабку встречали на рю Алланби, у Наккаша, среди сосен городского сада и на каменных плитах строящейся эспланады.

Любовь в Сирии отличается могучей откровенностью. Здесь не стараются скрыть то, что касается романтической стороны жизни. Бейрутцы вскоре привыкли к блуждающим теням Эмили и офицера. Их прозвали «разноцветные голубки». Девушка Абдуллах пылко привязалась к французцу. Она обнимала его на гла-

зах у всех и гордо охорашивалась, если натыкалась на взгляд осуждения.

— Ты мой отец, мой огонь,—говорила она со всей арабской поэзией, на какую была способна,—ты сделал жаркое из моей души.

Офицер относился к ней ровно, заставил ее бросить школу и отпустил ей небольшую сумму на месячное содержание. Счета от ее скромных портных он оплачивал брезгливо и недовольно. Он говорил впоследствии товарищам: «Я привык к этой арабке, потому что она всегда была тихой и неумной во время нашего романа».

В Париже у Леблэ оставалась жена, которой он аккуратно писал письма с примечаниями о своей преданности. Весной она неожиданно появилась в Бейруте, привезя с собой чемоданы и горничную. Дама она была роскошная, с маленькой рысеей головой и худыми руками. Она была помешана на «истинной» элегантности—как она выражалась. Прожив в Сирии несколько дней, госпожа Леблэ узнала об Эмили Абдуллах все. Не устраивая ревнивых сражений своему мужу, она умолила познакомиться ее с арабской женщиной.

Однажды, гуляя с женой по ливанской косе, офицер встретил Эмилию, сидевшую на камнях у воды.

Офицер подозвал ее. Она поднялась и медленно подошла к ним. Госпожа Антуан Леблэ нежно взяла ее под локоть, шутливо сказав мужу, что у них найдется, о чем поговорить без мужчины, наедине.

Молча они подошли к дому, где жил офицер. В комнате, посадив перед собой арабку, госпожа Леблэ принялась ее подробно рассматривать. Она разглядывала ее сбоку, сзади и спереди. Она мяла и ощупывала ее, как вещь из глины, она смеивала ее ветхий фланелевый костюм и серый арабский цвет кожи. Француженка корила Эмилию за ее ноги, слишком длинные, за чулки с плебейской мережкой, за грубое дыхание.—«Таких как вы,—сказала она напоследок,—не может любить мужчина-француз».

— Я не виновата, мадам,—жалко оправдывалась арабка.—Он сам настаивал на всем этом.

— Вы лжете,—строго сказала госпожа Леблэ.

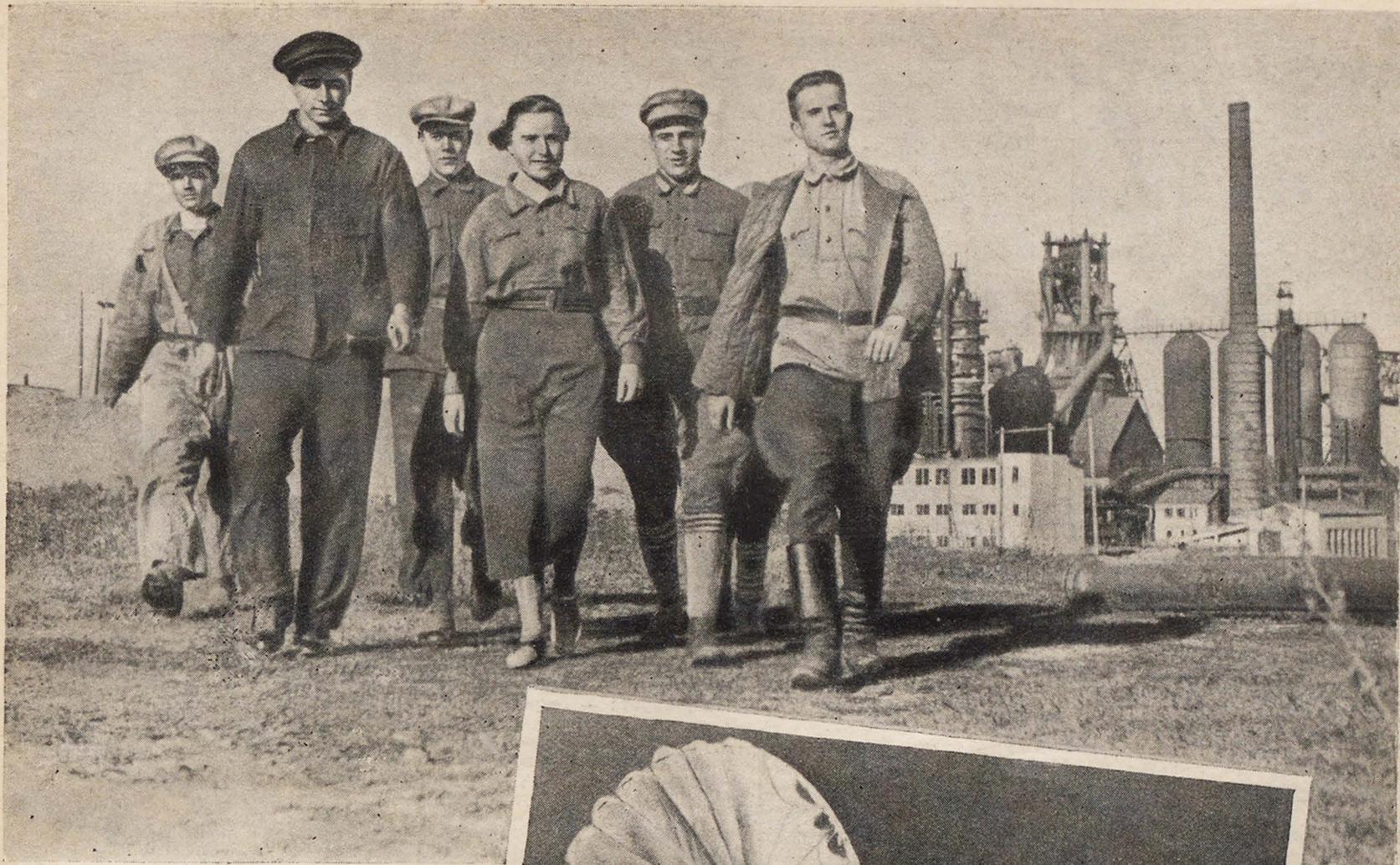
В этот вечер, вернувшись к себе на окраину Бейрута, девушка Абдуллах повесилась на своем длинном замшевом поясе. На обеденный столик она положила записку: «Умираю, потому что не шикарна. И за то, что родилась арабкой».

В беседе с любопытными офицер Леблэ говорил: «Этого можно было ждать. Она была хитра и несдержанна. В общем—маленькая во-

Окончание см. стр. 22

Бедуины Бискры показывают высокое искусство верховой езды туземным и иностранным зрителям
«Кельнише Цейтунг»

Рабочий день кончился. Торопливо переодевшись, а зачастую и в спецовках, спешат рабочие на аэродром. Там они сядут за руль самолета, будут парить на планере, прыгать с парашютом, — осуществляя свою мечту овладеть воздушной стихией, стать квалифицированными летчиками

ОДИН АЭРОКЛУБ

Фотоочерк А. Шайхета

Авиация пользуется в нашей стране особой любовью и уважением. Примеры героизма наших летчиков, стратонавтов, парашютистов, широкие перспективы, которые открыты перед авиацией, увлекают нашу молодежь. Тяга к авиационной учебе выражает желание развить в себе лучшие качества, приложить свою волю, энергию для великих дел, которые совершаются в Стране советов.

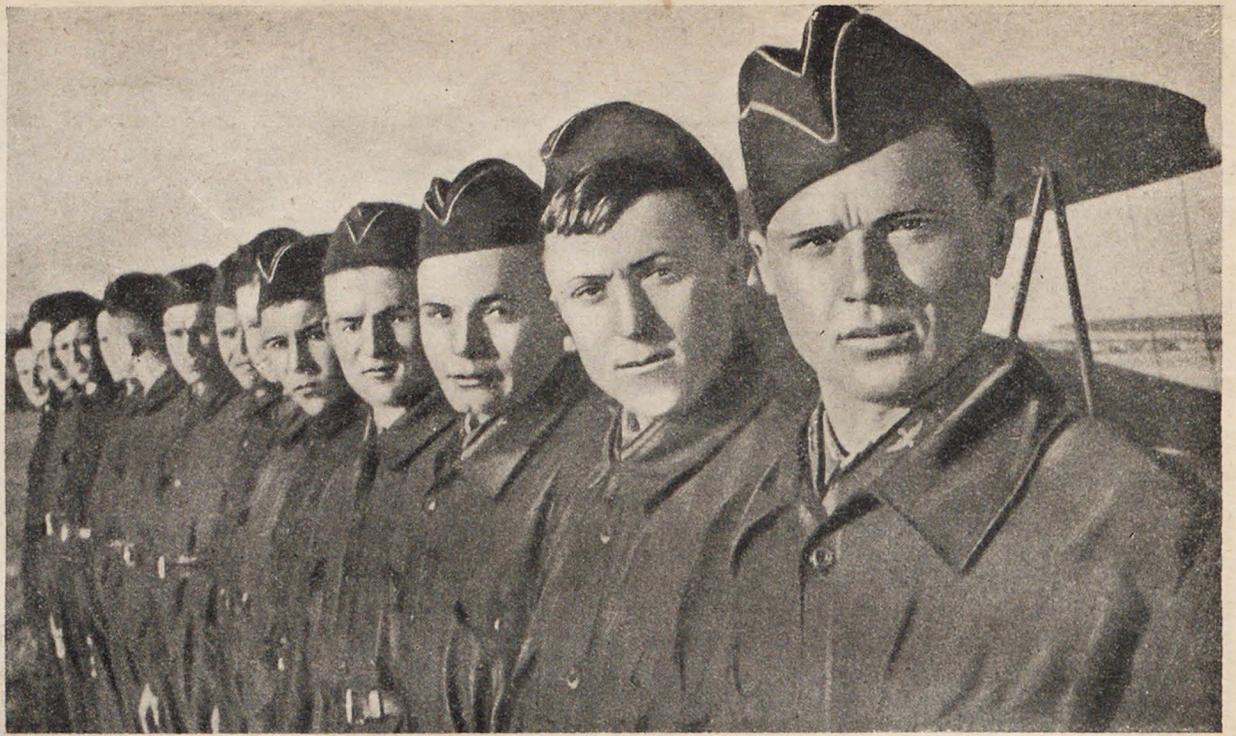
Недавно организованный аэроклуб Ново-Тулского металлургического завода пользуется в Туле большой популярностью.

Аэроклуб завода имеет три самолета, прекрасно оборудованный аэродром вблизи завода, парашютную вышку.

В авиационной, планерной, парашютной школах учатся летному делу без отрыва от производства рабочие металлургического завода. Пятнадцать комсомольцев-учащихся авиационной школы уже самостоятельно водят самолеты. В ближайшее время инструкторами в парашютной школе будут рабочие, бесстрашно прыгающие на землю с самолетов, которыми управляют их товарищи по цеху.

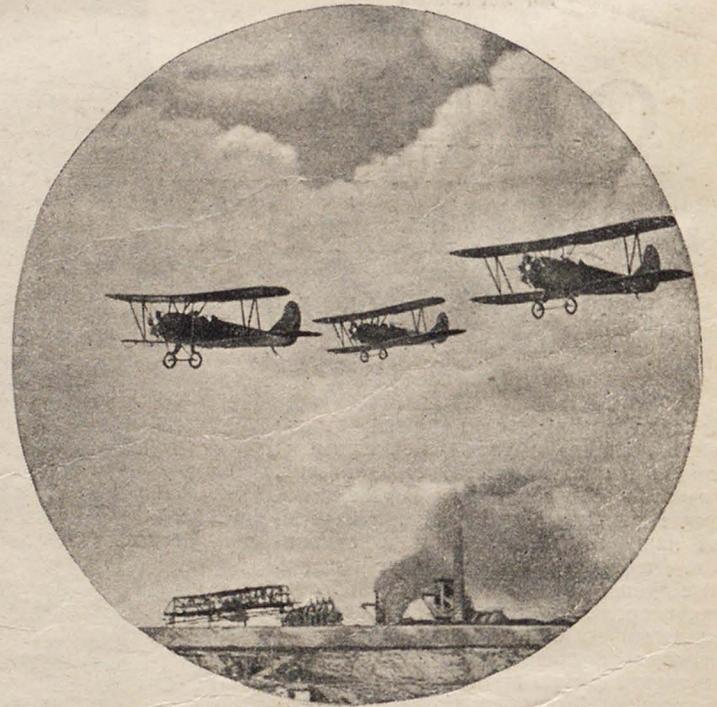

2 200 рабочих прыгнули с этой парашютной вышки. Сейчас многие из них уже получили значки парашютистов. Пятеро учащихся парашютной школы готовятся стать инструкторами парашютного спорта

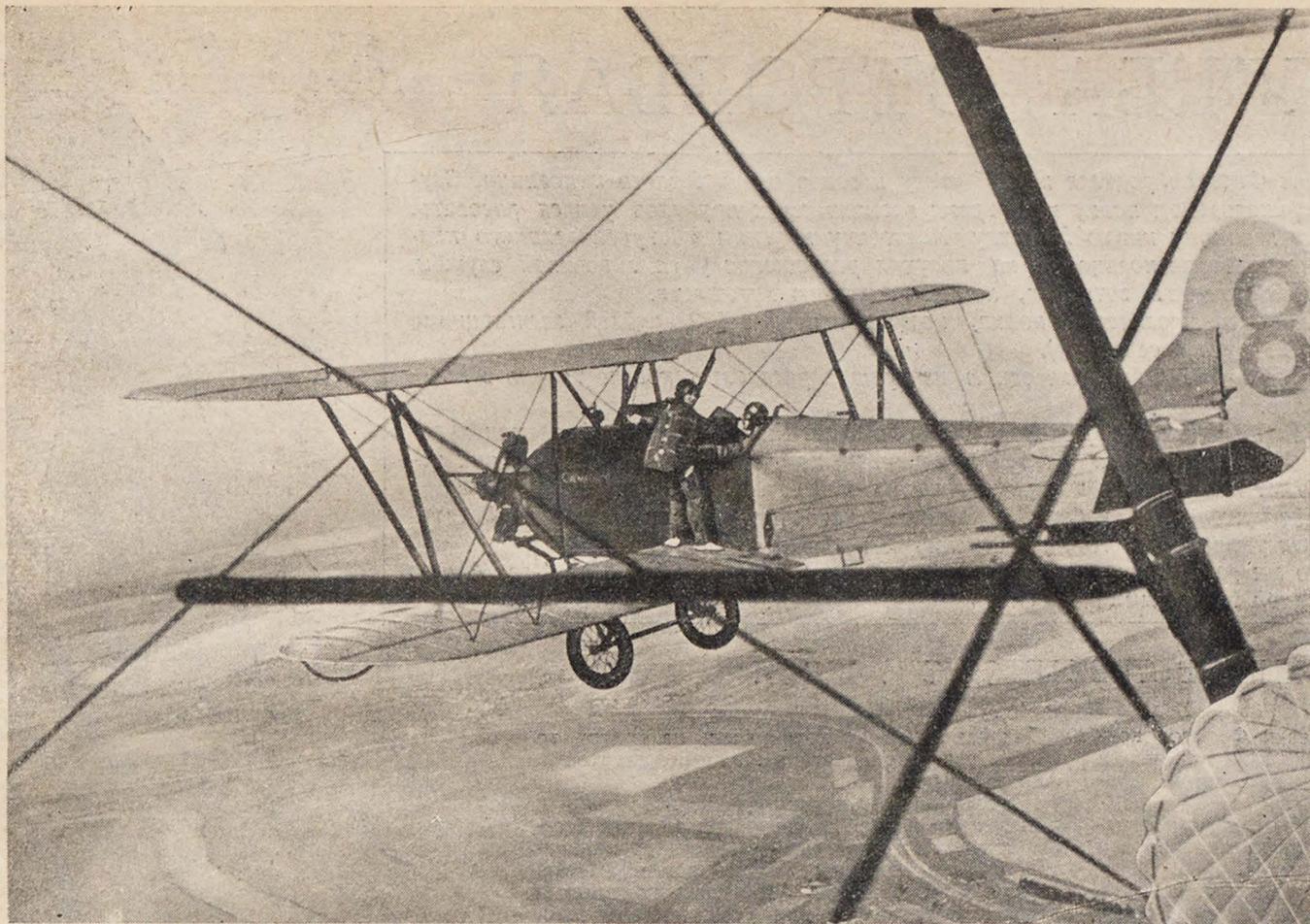
Электросварщик Булгаков 7 ноября окончил авиашколу и получил звание учтета. Он овладел летным искусством, не прекращая работы на заводе

20 первых учтетов Ново-Тульского аэроклуба. Справа налево — тт. Булгаков, Митрофанов — бригадир плотников, Старцев — пом. паровозного машиниста, Шкатов — слесарь доменного цеха, Романов — доменщик, Дородных — пом. паровозного машиниста, Тюликов — слесарь газоочистки, Сирота — секретарь комитета комсомола

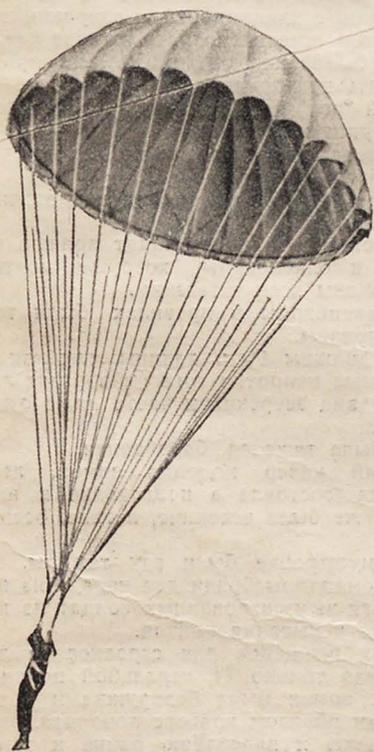
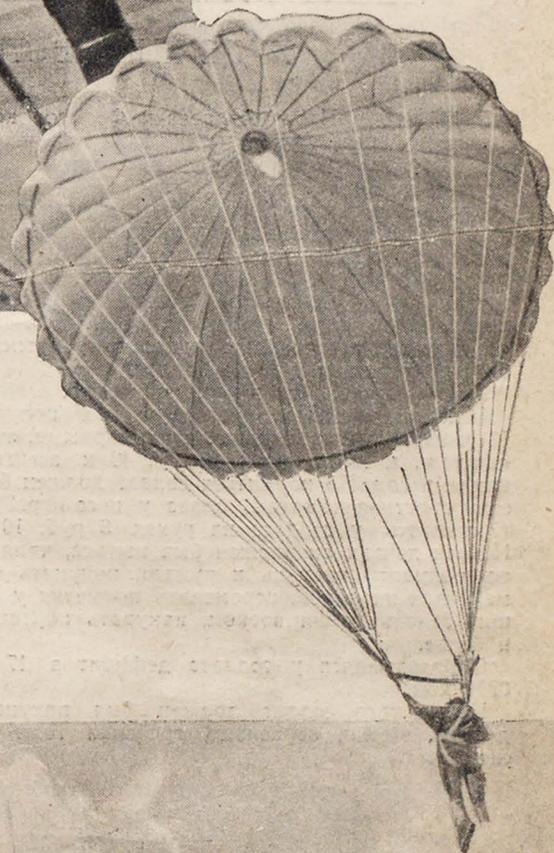
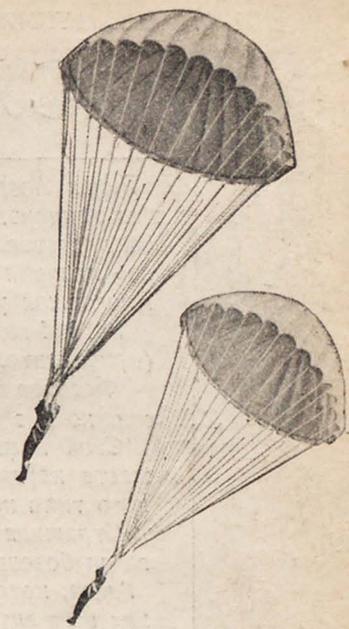

Учащиеся авиашколы летят над заводскими цехами, где только что закончился их день слесарей, электросварщиков, токарей

Инструктор авиашколы тов. Крючков дает своим ученикам последние объяснения перед самостоятельным полетом

Работница Полина Махрова вышла на крыло самолета — сегодня она делает свой первый прыжок с парашютом

Парашют раскрыт во-время, приземление удачное... Товарищи Полины, будущие инструктора-парашютисты, радостно помогают ей отцепить парашют. Слева т. Козлов — слесарь электростанции, справа — тт. Мартынов — слесарь, Сергеев — рабочий на размывочной машине, Малоок — секретарь управления доменного цеха

СЛУЖБА СТРОЕВАЯ

Павел Андреевич Федотов родился в 1815 году в семье очень бедного чиновника. Служил офицером в финляндском полку и во время нескончаемых караулов учился рисовать. За представление великому князю Михаилу Павловичу картины «Встреча великого князя» получил бриллиантовое кольцо, но не получил разрешения уйти с военной службы. Продолжал учиться рисовать вечерами, ходя в Академию художеств.

В 1844 году, наконец, уволился из полка, получив пенсию в 100 рублей ассигнациями (приблизительно 25 рублей серебром).

Федотов к этому времени был уже одним из лучших рисовальщиков не только в России, но и в Европе.

Свой талант он посвятил изображению бытовых сцен. На выставках в Академии художеств картины Федотова имели большой успех, но критика писала, что художник такого типа не может иметь места в «христианском» обществе.

Страшная перегруженность работой и тяжелые материальные условия довели Федотова до болезни. Он умер в 1852 году в сумасшедшем доме.

Глава, которую мы даем в журнале, дает представление об армии Николая 1-го. Армию эту в ее внутренней жизни мы знаем очень мало: она была страшна и бессильна.

ХУДОЖНИК ВСТРЕЧАЕТСЯ С НУЖДой

В 1833 году Павел Андреевич Федотов окончил корпус первым по успехам в науках, и имя его было записано золотыми буквами на Мраморной доске в большом зале.

Впрочем в свидетельстве об окончании отмечалось, что в черчении ситуационных планов и в рисовании кадет Федотов ленив.

Отец Федотова к этому времени ушел со службы, — в маленьком домике в Огородниках стало еще беднее, теснее и холоднее.

Сразу же нужно было помогать родным, а самому помощнику было 18 лет.

Поступил Федотов в армию бедную.

Рядовой младшего состава в год получал 13 р. 96½ копеек, а вместе с мундирными, амуническими и наградными — 26 р. 43 к. ассигнациями в год. Но кормиться солдат должен был сам, съестная же артель брала у него 18 р. 33 к. Оставалось у солдата на руках 8 руб. 10 к. На эти деньги он должен был мыться, чиниться, покупать кремь к ружью, покупать бумагу для патронов, переменять подметки у сапог, белить ремни воском, покупать портянки и белье.

Образовывался у солдата дефицит в 17 р. 02¼ коп.

Кроме того солдат должен был покупать дратву, щетки, зеркальце, гребенки тоже на свой счет.

Автопортрет

Рисунок П. Федотова

Так как эти вещи проверялись на смотру, то нужно было придавать им вид щегольской и единообразный.

Поэтому вещи эти назывались смотровыми и помещались в особом свертке в виде несессера. Так как их проверял сам государь император, то они не употреблялись вовсе. Щетки, зеркальце, гребенка металлическая, портянки и кусочек мела, фабра для усов, кремь, свинец, подштанники — делались миниатюрными, игрушечными, так что все солдатское хозяйство помещалось на ладони, а так как солдату была необходима и дратва и портянки, то он тайно, под шинелью, носил настоящие вещи.

Офицеру на шинель и мундир при выпуске давали деньги.

Но мундир носился, и дома приходилось переодеваться в старое платье и старые сапоги.

Жизнь офицера, который существовал на жалованье, если он не крал у солдат, была самая тесная.

Шил он себе шинель, собирая деньги много лет, и долго приходилось ему думать, чем побить шинель: коленкором или диверласом.

Диверлас звали также демикатоном. Стоил он немного дороже коленкора, но тот, кто хотел шить шинель на диверласе, перед этим месяц не пил чаю.

Казармы лейбгвардии егерского полка находились на Васильевском острове.

За казармами — поля, кладбище, пустыри, взморье, кусты и где-то там — могила казненных декабристов.

Полк ходил когда-то в Париж, стоял в самом Париже, но память о тех походах затерта, похоронена за Смоленским кладбищем.

В то время говорили, что война портит войска.

Войска улучшались обучением строю.

Но после того, как польские повстанцы перебили много гвардейцев в лесах, обращено было внимание и на стрелковое обучение.

В лейбгвардии финляндском полку поэтому приказано было в год выдавать каждому нижнему чину 6 патронов для обучения стрельбе. Оружейные приемы были перенесены из примечания к уставу — в устав.

Всего было 18 оружейных приемов, из них вновь введены были приемы: ружье на перевес, на правое плечо, на молитву, рукавицы надеть, рукавицы долой.

Выдержка между приемами была тройная: тихая, скорая и учащенная.

Правила военные начинались с правил об осанке. Приведу из этих правил несколько строк:

«Пристойная осанка не требует, чтобы солдат держался принужденно и казался одеревенелым; напротив того, он должен стоять и ходить ловко, свободно, сообразно естественному сложению тела, и стараться вести себя так, чтобы в разговоре, взгляде, всех действиях и движениях его выражалась некоторая относительно к собственному и его званию пристойная смелость без наглости, твердость без самонадеянности и нахальства, и, наконец, лов-

Марширующий офицер

Рисунок П. Федотова

кость и вежливость. Кто во время разговора опускает глаза вниз, тот навлекает на себя подозрение в лукавстве, боязни и нечистой совести. Люди, с хладнокровием смотрящие на смерть, должны смело смотреть в глаза каждому, какого бы звания он ни был, но притом не показывать наглости.

Разинутый рот безобразит лицо и притом означает глупость».

Людей преданных узнавали по взгляду, выражающему готовность.

Солдат должен был иметь вид преданный и воинственный.

Для воинственного вида солдат должен был иметь усы и бакенбарды, которые поэтому были запрещены всем штатским.

Усы и бакенбарды в правилах были тоже регламентированы.

«Усы не должны быть длинны, так как таковые длинные напротив того безобразят лицо и дают ему вид зверский и часто даже отвратительный».

Служба была тяжелая, барабанная.

Клеенчатый кивер холодил зимой, летом трел. Работа состояла в подготовке к параду. Парады же были весенние, летние, осенние и зимние.

Вуучка, муштровка были так тяжелы, что полковые командиры брали для парада на прокат за деньги вымуштрованных солдат из прошедших уже испытания полков.

Исправных штуцеров для стрелкового дела в полку было только 24, стрельбой почти не занимались: армия была безоружна и обучалась главным образом красоте поворота, быстрому сниманию и надеванию ранца и темпистому шагу.

Существовали тогда художники, специально рисовавшие однообразную красоту парада. Первый дагерротипный снимок тоже сделан был в России с парада.

Его принесли императору Николаю, Тот смотрел долго, смотрел в лупу, потом вызвал к себе брата Михаила Павловича.

Император был в гневе. Он поднес лупу к снимку и закричал:

— Это так меня принимают? И это парад в моем присутствии?

Михаил Павлович молчал. Николай Павлович перевел дух и сказал:

— Посмотри в лупу: у третьего солдата четвертой шеренги кивер надет неправильно.

Николай Павлович был по-своему прав — для него всякое изобретение и усовершенствование в том и состояло, что при помощи его можно было проверить правила.

Устав военный разработан был в форме катехизиса.

Целью катехизиса было добиться того, чтобы в строю не происходило никаких случайностей.

В катехизисе не было предусмотрено, что солдаты в строю дышат, это не было запрещено, но не было и упомянуто.

Поручик Федотов быстро выучил катехизис, начиная с первого вопроса.

Вопрос: «В чем состоит исправный солдат?»

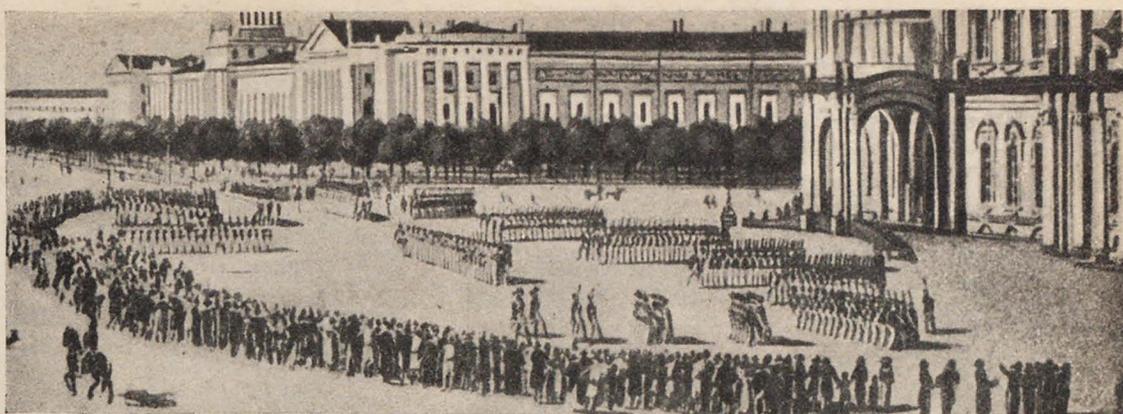
Ответ: «Исправный солдат ведет себя трезво, честно, порядочно, верен своему государю, знает твердо артикулы, послушен начальникам, содержит себя и амуницию во всегдашней чистоте и исправности, умеет правильно стоять, равняться, ворочаться, маршировать и ружьем своим действовать, знает, как именовать всех своих начальников, сроки всем вещам, сколько получает жалованья и провианта, притом должен быть бодр и расторопен».

Вопрос: «Как правильно стоять?»

Ответ: «Стоять вольно и непринужденно, голову прямо, плечи ровно, то-есть не заворачивая и не опущая никоторого, грудь вперед, руки по лямкам, мизинцы по шву, каблуки вместе, носки против выемки плеча».

Вопрос: «Как правильно равняться?»

Ответ: «В строю в грудь третьего человека, держать притом свой корпус, как учили правильно стоять, не заворачивая ни в котором

Учение на плацу

случае голову, плечи держать ровно и равняться в сторону, куда сказала дирекция.

Вопрос: «Как правильно ворочаться?»

Ответ: «Ворочаться на каблуках, левого каблука никогда с места не двигать, а правый к оному придвигать».

Вопрос: «Для чего левый каблук никогда с места не сдвигается?»

Ответ: «Чтобы всегда линия верная сохранялась».

Сохранять верную линию в строю помогла Федотову цепкая память, помогал верный глаз.

Служил Федотов без неприятностей, тихо и скромно отбывая свои караулы.

СЛУЖБА КАРАУЛЬНАЯ

Через два дня на третий получал Федотов из полковой канцелярии серо-голубую бумажку, сложенную пополам, в ней писарь сообщал его высокоблагородию о назначении на караул.

При исполнении нарядов караульных больше всего опасались великого князя Михаила Павловича: великий князь подкрадывался к командам на своей коляске, пользуясь как прикрытием вновь заведенными дилижансами, и выскакивал потом прямо на караул в тот момент, когда люди заваливали ружья в шаг или тирали каданс своего марша.

Поэтому караульные начальники относились к дилижансам с большим подозрением, а унтер-офицеры, нагибаясь, смотрели под колеса фургонов и дилижансов, разыскивая там строевого своего неприятеля.

Караулы были неравные по своему достоинству: различались спячки и горячки.

Трудны были караулы в театре и в цирке, а легкими караулами считались: караул у Петропавловской крепости, в Галерном порту и на заставах.

На заставах в караульных помещениях висели списки людей, которым запрещен въезд в город. У шлагбаума стоял солдат, который подскакивал ко всякому проезжающему и провозглашал:

— Стой! И позвольте спросить: откуда и куда изволите ехать?

На это проезжий или отдавал свой письменный вид или сам шел в караульный дом расписываться.

Затем солдат возвращался с проезжающим и командовал часовому:

— Бом двысь!

Экипаж проезжал.

Не нужно было задавать вопросы проезжающим на городском извозчике, а также не надо было спрашивать вида у того, кто говорил, что он едет на дачи.

Служба поэтому на заставах была спокойная, потому что никто себя опальным именем не называл и отводить на гауптвахту не приходилось никому.

Спокоен был караул и на Галерной гавани. Был там, впрочем, один лесок, куда солдаты зимой боялись становиться, уверяя, что там по ночам гнездится нечистая сила.

Спокоен был караул в Зимнем дворце, особенно во время высочайшего отсутствия государя императора.

Кормили во дворце удовлетворительно, в помещении было тепло.

На стене дворцовой гауптвахты висели великолепные английские часы, очень старинные.

На циферблате часов стрелки обозначали час, минуту, секунду, год, фазу луны, месяц и даже затмение солнца.

Часы эти отличались звонким, отчетливым ходом, были редкостью мировую и на гауптвахту попали случайно.

Часы стояли в Инженерном замке, в собственном кабинете императора Павла I, но государь император, опоздав однажды на вахт-парад, на часы разгневался и отправил их на гауптвахту.

Вскоре после этого государь был задушен.

Капиталисты

— Да пошли же за свечью!

— Да пошли ты — ты в выигрыше.

— Пошли ты — я тебе сотру пятьдесят тысяч!

Рисунок П. Федотова

Дать распоряжение о возвращении часов позабыли, и часы остались на гауптвахте под вечным арестом.

Тяжелые караулы были в Адмиралтействе, в Арсенале, на Сенной площади. Ночью здесь не раздевались, а только ослабляли шарф. Солдатам же ничего ослаблять не полагалось.

Караулили неизвестно кого и неизвестно что. Один караул стоял у сарая, в котором по преданию была заперта паровая машина, приобретенная еще при Петре I.

Машина эта сдавалась караулом под названием «железные вещи».

Но железа за затворами не было, потому что оно соржавело.

На чистом обороте бумаги с вызовом на караул писал Федотов свой дневник.

Записи его однообразны: «играл на флейте», «пил кофе», «рисовал».

Рисовал он еще слабо, рисовал портреты товарищей, а когда ему было очень грустно, — рисовал молодого офицера под плакучей березой или ивой, облокотившегося на урну.

Шел год за годом.

К флейте присоединил Федотов гитару.

При гитаре можно было петь.

Пение поощрялось. Один из старших офицеров господин Марин сам писал романсы.

Солдату из всех развлечений также больше всего рекомендовалось пение.

Так как оно «сокращает приятным образом свободное время, облегчает тягость похода и заменяет другие удовольствия жизни».

Пение солдатское должно быть темпистое и хватистое. Песни должны были быть приурочены к шагу — тихому, скорому и вдвое более скорому, чем скорый.

Для облегчения службы Федотов сам написал темпистые стихи.

Песня Федотова возбудила впрочем некоторое неудовольствие за возвеличивание в ней стрелкового дела и обнародована она была только впоследствии господином Мариним.

Впрочем все признавали, что песня приспособлена к самым дальним маршировкам.

«Нут-ка, братцы егеря,
Рать любимая царя,

Попоем,
Попоем.

То ли дело, то ли дело, егеря, егеря, егеря,
То ли дело егеря, егеря, егеря.

Конный молодец с конем!
А ссади-ка, прах ли в нем!

На своих,
На двоих.

То ли дело, то ли дело, егеря, егеря, егеря,
То ли дело егеря, егеря, егеря.

Знать, что мы таки не просты
Ведь не шлют на аванпосты

Мушкетер,
Гренадер.

То ли дело, то ли дело, егеря, егеря, егеря,
То ли дело, то ли дело, егеря, егеря, егеря,

На параде назади,
А чуть драка — впереди.

Поскорей
Егерей.

То ли дело, то ли дело егеря, егеря, егеря,
То ли дело, то ли дело, егеря, егеря, егеря.

Но песнь была слабоватом: ружье в николаевское царствование не было оружием. Это был музыкальный инструмент.

Ружье специально ослабляли в сочленениях, винты подпиливали для того, чтобы ружье было темпистым, чтобы оно бряцало в темпах.

Рисунки и портреты, и картины в николаевское время так же, как колонны того же царствования, не были рисунками, картинами и колоннами. Все это было декорацией.

Работой были караулы.

На карауле играл на флейте, рисовал Федотов.

Он записывал строевую жизнь рисунками, мастерство его накапливалось по капле.

ПИСАТЕЛИ среди рабочих

Секретарь Октябрьского райкома партии тов. АНДРЕАСЯН: «Только в нашей стране писатель по-настоящему связан с читателями»

Октябрьский районный комитет партии собрал в клубе фабрики «Свобода» свой парт-актив, ударников производства и группу крупных советских писателей.

Открывая вечер, секретарь райкома тов. Андреасян с презрением вспомнил вопли врагов о нашей якобы «некультурности».

— В то время, как у нас развивается строительство социализма и расцветает культура, а за рубежом свирепствует кризис экономический и духовный, — варварами являются они, а не мы.

Поэт Лахути обещал, что поэты и писатели не ограничатся выступлениями в данной аудитории. «Думаю, — заявил он, — что я и другие поэты и писатели сможем лично познакомиться с героями нашей страны. Мы должны поддерживать с ними самую тесную связь».

С большим докладом-обзором современной советской литературы выступил И. Беспалов. В докладе содержалось множество фактов, говорящих о новом подъеме советской литературы, о новых книгах, написанных и заканчиваемых в ближайшее время.

Л. Леонов рассказал о своем новом романе «Дорога на океан». Он просил дать оценку своего нового произведения и выразил надежду, что эта оценка будет правильной.

Значительным и интересным было выступление работницы фабрики Мосбелье № 2 тов. Кузнецовой.

— Книги я читаю смолоду, — говорит тов. Кузнецова, — но раньше я читала без разбора, все, что попадет под руку. Мне не с кем было поделиться своими впечатлениями. Писатель мне всегда представлялся человеком недоступным, которого в жизни я никогда не увижу.

Она подробно останавливается на прочитанных книгах, на том, какой жгучий интерес вызывали у нее отдельные произведения, как она ходила в «Известия», чтобы написать о писателях, которые ей стали особенно дороги.

М. Кольцов рассказал ряд фактов из жизни капиталистических стран.

— Мы с вами встретились, — сказал тов. Кольцов. — Это довольно приятно для обеих сто-

Товарищ АНДРЕЕВ: «Товарищ Леонов, мы предъявляем вам счет»

В президиуме собрания

Работница КУЗНЕЦОВА: «... И всегда я мечтала встретить Новикова-Прибоя»

В зале собрания

рон. Но ничего особенного мы в этом не видим. Между тем, нигде, буквально ни в одной капиталистической стране, нельзя представить себе подобного собрания.

— Мы живем, — сказал он, — в единственной стране, где литература активно участвует в жизни. Поэтому у нас встреча писателей с читателями превращается в встречу огромного политического значения.

Содержательную речь произнес тов. Андрейев — работник завода № 33. — Он перечисляет

ряд произведений, которые считает успехом нашей советской литературы. Но он предъявляет ей также счет.

— Я спрашиваю, почему, например, не показан в литературе рост партийного низового работника, рост большевика-активиста. Почему не показана яркими красками наша могучая партия. Разве это не благодарная тема?

На вечере выступали и читали свои стихи поэты тт. Лахути, Сельвинский, Луговской, Голодный, Кирсанов, Долматовский и другие.

Мастера спорта Советского

ФИЗКУЛЬТУРНИЦА-МАТЬ

Наши «старые» чемпионы, начавшие заниматься спортом до революции, рассказывают, что спортсменами они стали совершенно случайно.

Тот случайно одел чужие коньки, понравилось — купил свои и сделался конькобежцем. Другой ради шутки поднял штангу, заинтересовался «жимом» и стал гиревиком. Третий в азарте пустился в перегонки с приятелем, обогнал его и случайно обнаружил в себе таланты спринтера. Четвертый наматал глаз в теннисной игре, подавая мальчишкой мячи на кортах (отец служил сторожем на площадке). Пятый вышел в велосипедные гонщики, обкатывая отремонтированные машины. Не случайностью было только одно — девушек совсем не допускали к спорту.

Но когда «нашли» для советского спорта Марию Шаманову или, как ее называют спортсмены, «нашу Машу» — случайности в этом не было.

Комсомольцы физкультурного кружка «Красный Санитар» Сокольнического района в порядке шефской работы прикрепили к своей площадке пионеров соседней школы. Комсомольцы тренировали пионеров в беге и прыжках и проводили детские соревнования, пока не произошло следующее. Одна шустренькая пионерка стала обгонять и перепрыгивать взрослых ребят. Комсомольцы кинулись к инструктору.

— Слушай, Аксель! Ты обрати внимание на Машуткины результаты — она мальчишек в краску вгоняет.

Через год, контрабандой пробравшись в участницы состязаний на московское первенство (в заявке пятнадцатилетней Шамановой приписали два года), Маша Шаманова победила чемпионку Журавле-

¹⁾ Аксельрод — популярный московский судья по легкой атлетике, выставлявший двух выдающихся чемпионов — Шаманову и Быкову.

Заслуженный мастер спорта Мария Шаманова

Фото Б. Кудоярова

ву, отняв у нее всесоюзный рекорд по прыжкам.

Молодая физкультурница начинает усердно тренироваться, выступает на кружковых состязаниях, участвует на всесоюзных спартакиадах, а затем и на международных спортивных состязаниях. Она побивает женские рекорды в легкой атлетике буквально во всех номерах.

В стремительном беге на 100 метров рождаются блестящие рекорды — 12,8—12,5 и наконец 12,3 секунды. Прыжки в высоту! И собранное в комок упругое тело взлетает над планкой, под которой не сгибаясь проходит после прыжка Маша Шаманова. Прыжки в длину — и острые шипы туфель врезаются в желтый песок на пять с половиной метров от белой планки.

Диск, копье, ядро, мяч — и растягивают судьи змею-рулетку, записывая в протокол рекордные цифры.

Результаты Шамановой не дают покоя остальным физкультурницам. За ней тянутся девушки Ленинграда, Харькова, Свердловска, Киева, Горького, Архангельска. Вокруг секунд и метров завязывается напряженнейшая борьба стилей, систем, режима, тактики и тренировок. В бурном наступлении на рекорды, в борьбе за почетное первенство, славное звание — на высшую ступень поднимается физкультурное движение в Советском Союзе. Но Мария Шаманова никому не уступает первенства. И вдруг...

Маша появляется на стадионе без всем знакомого чемоданчика, усаживается на трибуну и наблюдает, как занимаются ее подруги.

— Пропала наша Маша! Не вернется она на поле...

Маша, улыбаясь, сердито отвечает:

— Потерю я только один сезон. А потом снова приду к вам на беговую дорожку. И еще покажу, как бегают молодые матери. С чего это вы взяли, что я брошу спорт, как гольфо — у меня будет бутуз, — буду заниматься и, вот увидите, еще побью свои рекорды.

Но когда подруги шли под душ и оставляли Машу одну, тревога закрадывалась в сердце.

Еще в ушах звучал первый крик Олега, а Мария вытащила из чемодана ссохшиеся за год беговые туфли.

Робко начала разминаться по кругу, пробуя эластичность мышц, упругость шага, «аппетит» к движениям. Сделала спринтерский рыбок на прямой — мускульная сила не была потеряна. Все уверенней движения сильных ног. Крепко

Мы печатаем очерк о заслуженном мастере спорта Марии Шамановой, спортсменке-матери. Такое сочетание казалось бы на Западе неестественным. Но советская система физической культуры не уродует человека, а несет здоровье миллионам. И недаром Шаманова говорит:

«Мне доставляет огромное удовольствие на своем примере доказывать девушкам нашей страны, что материнство не только не преграда для спортивной работы, но новая зарядка».

по-старому сердце гонит горячую кровь по жилам.

Прошло 5 лет. Новые победы. Десятилетний юбилей спортивных выступлений. Почетная награда — звание заслуженного мастера спорта.

— В этом году у меня особая любовь к тренировкам, повышенные требования к себе, — говорит двадцатисемилетняя мать, несколько не изменившаяся в своей энергии, спортивной ярости и замечательной вере в славное будущее советских физкультурников, «к которым перейдут все мировые рекорды».

— Я часто брала с собой на стадион сына. Недавно на состязаниях Олегу дали в ручки флажок и он махал им, когда я начала бег. На финише я услышала знакомый голос Олега.

— Я выиграла бег и тут же расцеловала своего «болеельщика». Но с тех пор перестала его брать с собой. Боюсь, что он станет слишком нервным, не по-детски переживая мои выступления.

У нас немало теперь физкультурниц матерей, которые не бросают спортивной работы. Васильева-Целовальникова, Иванова-Егорова, Михайлова-Пенязева, Алексеева-Игнатъева, Пукирева-Дерягина, Галина Турова, Ирина Владимировна. Исключительные успехи Марии Шамановой — это победа советского спорта. Ее рекорды — победа женского физкультурного движения в нашей стране.

— Какое чудесное здоровье несет советская система физической культуры миллионам женщин в нашей стране, — отвечает на мой мысленный первый и пока единственный заслуженный мастер спорта среди женщин.

Отчаянные звуки пианино прерывают нашу беседу. Мы оборачиваемся. Олег вскарабкался на стул, открыл тяжелую крышку инструмента и ударяет по клавишам.

— Это пианино я получила на спартакиаде профсоюзов в этом году, — говорит Мария Гавриловна. — Мой сын будет учиться играть.

— И всю эту радость дает мне моя чудесная страна, моя любимая родина, наш лучший друг товарищ Сталин, перед которыми я в неплатном долгу. Позовут на борьбу — явлюсь на старт обороны — заканчивает беседу знатная физкультурница Советской страны.

Б. Ленин и
З. Хаузевиц
**Сирийские
Заметки**

Окончание.

Начало см. стр. 14

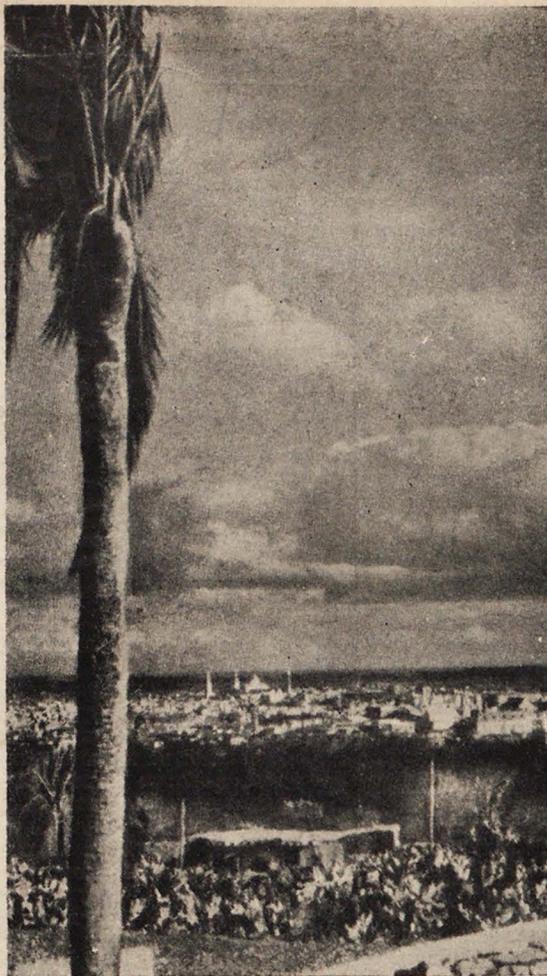
сточная трагедия». Он кривил губы и делал вид, что она действительно ему немного нравилась. Потом он не вспоминал ее.

Эмилию Абдулах похоронили на Старом маронитском кладбище между вором Кикано и кабатчиком Шойль.

В субботу мы гуляли на набережной.

Слева от шоссе, проходящего вдоль берега, стоял университетский холм. Коллегии, построенные американскими проповедниками, были видны издали, из-за вилл и доходных домов квартала Рас-Бейрут. На четырехугольном дворе коллегий толпились студенты. Сегодня происходил выпуск и раздача дипломов. Господа Бадих Аун, Мурад Арно и Жас Арсланиан, составляющие ученый совет, уже прибыли в коллегия, вместе с преподобным Джоном Лоттисом. Мы ходили по асфальтированному двору, по углам которого стояли рослые финиковые пальмы. Группы студентов собирались здесь, просматривая программы. Из аудиторий было слышно пение псалмов — кончался день.

Возле фонтана толпились выпускники, разговаривая о событиях дня.

Город Дамаск — столица Сирии — расположен в живописной местности среди богатой растительности юга

— Выборы мисс Бейрут отложены на завтра, — говорил один.

— Ах какая жалость, ах какое событие!

— Что нового на ипподроме, — скажите мне?

— Сегодня приз в 750 ливров взял пегий жеребец Омар Бейдуна.

Два студента в малиновых фесках и желтых чесучевых костюмах обсуждали видимо важный вопрос. Габриэль познакомил нас: «Молодые ученые — клиенты моего отца».

Они продолжали спор, касавшийся юридической задачи.

«Произошел на днях такой случай. Человек Хюсейн Али Рида, проходивший мимо деревни Жеруд в Бекаа, подвергся нападению громадной змеи, с которой он безуспешно сражался на глазах пораженных ужасом крестьян. В конце концов змея обвилась вокруг человека и ужалила его. Когда подоспела помощь, было уже поздно. Змея убита выстрелом из ружья.

Итак, начинается казусный вопрос.

Власти предназначили змею для Бейрутского музея. Родственники погибшего требуют ее себе. Как известно, змея, убившая человека, отличается волшебными целебными свойствами. Кому должна принадлежать змея?»

— Несомненно, наследникам, — сказал высокий толстый студент.

— Нет, властям. По турецкому закону, не отмененному до сей поры, найденное на дороге принадлежит каймакамству.

— Вы ошибаетесь — это не научное толкование.

— Попробуйте предложить на экзамене свое.

Попрощавшись с выпускниками, мы прошли вдоль университетских построек. Сквозь неширокие окна видны были аудитории. Из дверей навстречу нам вышло несколько молодых арабов. Безусые, почти подростки, они держали в руках стило и тетради и разговаривали между собой по-английски.

— Сегодня очень сложная лекция. Надо хорошо ознакомиться с литературой вопроса.

Заинтересовавшись, один из нас спросил:

— Какую науку, друзья, вы здесь изучаете?

— Это математика?

— Нет, господин.

— Это коммерция?

— О нет, что вы.

— Медицина?

— На другом факультете..

— В таком случае что же это?

— Это святое писание.

Японские школьники проходят в обязательном порядке военное обучение. На снимке: ученики 1-й токийской школы проходят в военном снаряжении по улицам Токио

Фото СФ

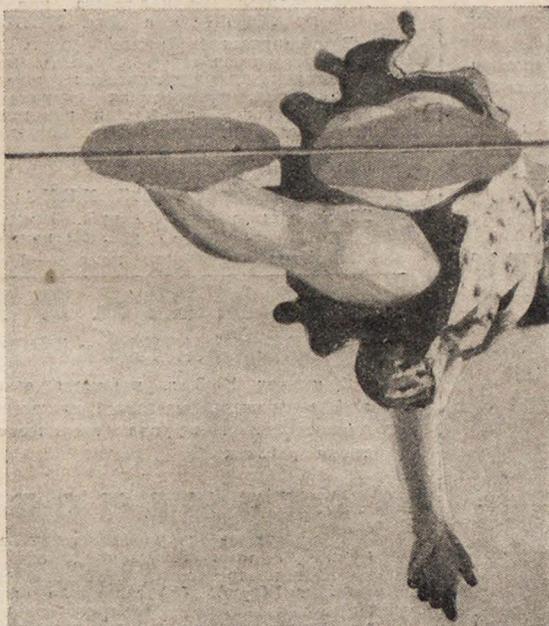

Санитары английской армии в противогазовых костюмах нового образца

Фото СФ

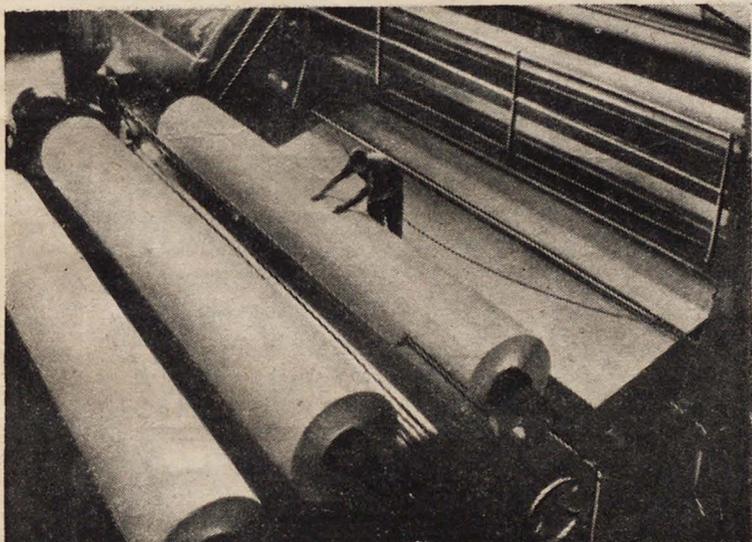
34. Как вы думаете, кто бы это мог быть?

37. Что изображено здесь?

38. Что происходит на этом снимке?

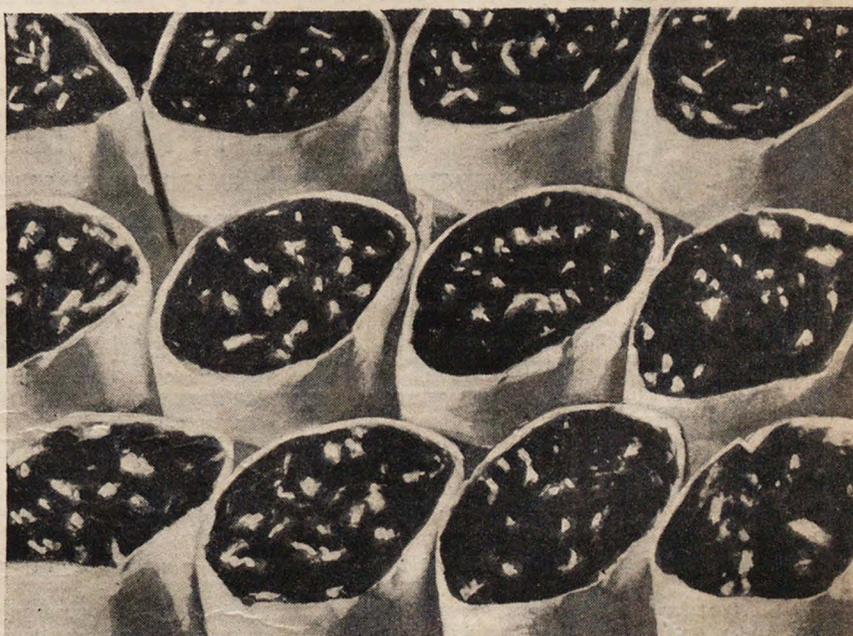
35. Какая это машина?

36. Что за строения засняты здесь?

О Т В Е Т Ы
к 6-й серии
„ЗАГАДОЧНОГО СНИМКА“

28. Ряды снопов на сжатом хлебном поле (аэроснимок)
29. Отражение в воде вышки для прыжков в воду
30. Потолок зрительного зала (во Дворце культуры Пролетарского района г. Москвы)
31. Улица заснята ночью с выдержкой. Проезжавшие авто и трамваи запечатлеться на негативе не смогли, но оставили световые следы своих фонарей
32. Капли жира на поверхности хорошего супа
33. Постройка дирижабля

39. А это что такое?

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1936 ГОД

О Г О Н Е К ЗА РУБЕЖОМ

Самый распространенный литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал.

С октября 1935 года «Огонек» реорганизован. Увеличен формат и объем журнала. Значительно улучшены бумага, печать и оформление.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
12 мес.—16 руб., 6 мес.—8 руб., 3 мес.—4 руб.
Цена отдельного номера 50 коп.

БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК

Печатает произведения лучших советских и иностранных писателей, а также произведения мировых классиков.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
72 книжки в год—12 руб., 6 мес.—6 руб.,
3 мес.—3 руб. Цена отдельной книжки—20 коп.

4 СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

„ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ“

выходит при ближайшем участии М. ГОРЬКОГО

НАМЕЧЕНЫ К ВЫПУСКУ БИОГРАФИИ: Белинского, Дарвина, Эдуарда Зюсс, Котовского, Кюри, Лермонтова, Мольера, Томаса Мюнцера, Мичурина, Наполеона, Нансена, Пестеля, Попова, Пушкина, Рабле, Росси, Я. Свердлова, Сун-Ят-Сен, Тургенева, Шамиля, Шаумяна и других.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
24 номера в год—25 руб. 20 коп., 6 мес.—12 руб. 60 коп.

Подписку направляйте почтовым переводом: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобъединение, или одавайте инструкторам и уполномоченным Жургаза на местах. Подписка также принимается повсеместно почтой и отделениями Союзпечати. **ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ**

Ежедекадный журнал-газета под редакцией М. ГОРЬКОГО и Мих. КОЛЫБОВА.

В обширных и разнообразных выдержках из иностранных газет, журналов, книг, писем, дневников, дипломатических документов; в карикатурах, фотоснимках, рисунках; в очерках, рассказах, статьях и заметках лучших советских и иностранных литераторов покаявает политику, экономику, культуру, быт всего мира.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
36 номеров в год—30 руб., 6 мес.—15 руб.,
3 мес.—7 руб. 50 коп.
Цена отдельного номера—1 руб.

ВНИМАНИЮ ПРОМПРЕДПРИЯТИЙ и ПРОФСОЮЗОВ

С января 1936 г. начинает выходить новый всесоюзный массовый иллюстрированный двухнедельный журнал технического воспитания рабочих

СТАХАНОВЕЦ

В программе журнала: техника рабочих (техникум и гостехэкзамен), обмен опытом по отличиям и стахановским методам работы. Журнал будет широко освещать новейшие достижения техники основных отраслей тяжелой и легкой промышленности СССР и передовых капиталистических стран.

Ответственный редактор — Г. О. ДОБРОВЕНСКИЙ.

Объем номера—4 печат. листа большого формата, на бумаге лучшего качества, с красочным оформлением, с массовым тиражом.

Адрес редакции: Москва, центр, Театральный проезд, 7, Лубянский пассаж, пом. 14, телефоны: № 5-24-68 и 4-83-63.

Подписная цена: 12 мес.—12 руб., 6 мес.—6 руб., 3 мес.—3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ 3-й ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

СПРАВОЧНАЯ ТАБЛИЦА 1-ГО ТИРАЖА ПОГАШЕНИЯ

20 октября 1935 г. в г. Челябинске произведен 1-й тираж погашения процентно-выигрышного и беспроцентно-выигрышного выпусков государственного внутреннего выигрышного 3-го займа индустриализации.

Согласно условиям займа, в каждом разряде обоих выпусков займа было погашено по 13 000 серий.

В тираж погашения вышли все облигации следующих серий во всех разрядах процентно-выигрышного (6 разрядов) и беспроцентно-выигрышного (13 разрядов) выпусков займа.

НОМЕРА СЕРИЙ:

- с № 14000 по № 14999 вкл.
- с № 15000 по № 15999 вкл.
- с № 20000 по № 20999 вкл.
- с № 27000 по № 27999 вкл.
- с № 30000 по № 30999 вкл.
- с № 38000 по № 38999 вкл.
- с № 39000 по № 39999 вкл.
- с № 63000 по № 63999 вкл.
- с № 66000 по № 66999 вкл.
- с № 67000 по № 67999 вкл.
- с № 90000 по № 90999 вкл.
- с № 91000 по № 91999 вкл.
- с № 99000 по № 99999 вкл.

Выплата нарицательной стоимости по облигациям, вышедшим в тираж погашения в первом тираже, производится сберкассами с 1 декабря 1935 г.

Тиражные облигации процентно-выигрышного выпуска должны иметь при себе купон № 7 сроком 1 декабря 1936 г. и все последующие купоны. Стоимость недостоящих купонов удерживается из тиражной стоимости облигаций. Тиражные облигации могут быть предъявлены для оплаты по их нарицательной стоимости в течение 10 лет, т. е. до 1 декабря 1945 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ

ЛЕНИНГРАД, Канал Грибоедова, № 2. Телефон № 2-23-66.
Трамваи: №№ 5, 12, 14, 20, 23. Автобусы: №№ 5, 6, 9 и А.

ОТКРЫТА ВЫСТАВКА В. А. СЕРОВ

На выставке представлено около 300 картин и 600 рисунков музеев СССР и частных собраний. ВЫСТАВКА ОТКРЫТА ежедневно с 11 час. утра до 8 час. вечера.

ЗАЯВКИ на экскурсии, культпоходы принимаются по телефону № 2-23-66 В. С. ЗНАМЕНСКОЙ и на выставке (Канал Грибоедова, 2).

ПЬЕСЫ, ГРИМ, ПАРИКИ

МАГАЗИН ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ГРИМ И ГРИМИРОВАЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Цена	Цена	Цена	Цена
Набор грима в карандаш 5 40	Сухие румяна в порошке б/р 1 10	Тушь для бровей и ресниц (черн. цвет.) 5 40	Лак для наклад. париков 75
Набор грима б/р 4 80	Паста для снятия грима 1 10	Краска для бров. и ресн. 7 20	Пудра с/р 2 40
Набор грима м/р 3 95	Вазелин 1 30	Губная помада в бумажн. пен. 1 20	Пудра б/р 3 35
Набор грима в карандашах № 1, 2, 3 1 30	Карандаш для бровей в бумажн. пен. (черн., коричн., шатен.) 1 25	Губная помада в бочен. 95	Масса для изменения формы носа 1 40
Тона грима в карандашах ост цвета 95		Губная помада в короб. 4 30	Растуш. для грима 10
ПАРИКИ И ДРУГИЕ ВОЛОСЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ			
Парик городск. штука 49 50	Парик муж. фран. шт. 63 50	Бороды больш. р. шт. 7	Щеки шт. 71
" русский 49 50	" дамск. 63 50	" средн. " 4	Носы " 65
" лысый 30 50	" п/прич. 77	" мал. " 3	Трансф. б/р " 12
" бобрин 99 75	" с кос. 90	Усы " 1 10	" с/р " 10
" стрижен. 73 75	" голый череп 15	Баки " 3	" м/р " 7
" поповск. 30 75	" дамские наклад. 29	Креп метр " 1 75	Трансф. нос, усы, очки 3 50
" мольтеровский 148		Подбородки " 75	Очки 1 50

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ ПОСЛЕ 1 января 1936 г. НОВЫЙ ПОЛНЫЙ ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР

Составленный из лучших произведений советских писателей, поэтов и драматургов.

В чтеце-декламаторе разделы: проза, поэзия, сатира и юмор. Лучшие образцы репертуара мастеров выразительного чтения виднейших работников сцены. **Тираж ограничен.**

Имеется в продаже большой выбор малых форм для эстрады и клуба, а также пьес для профтеатров и клубов. Билетные книжки для клубов и кино. Цена книжки (500 билетов)—1 р. 25 к. Заказы на сумму до 100 руб. высылаются по получении полной стоимости заказа, свыше 100 руб.—по получении 50%. ДЕНЬГИ ПЕРЕВОДИТЬ: Москва, Октябрьское отделение Госбанка. Расчетный счет 150033.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: МОСКВА, 9, Советская площадь, 28 П/О магазин ВТО. Гор. ГОРЬКИЙ, ул. Свердлова, 10. Театральный магазин ВТО. ДЕНЬГИ ПЕРЕВОДИТЬ: Горьковской Краевой Конторе Госбанка на тек. счет 50/253, Горьковскому магазину ВТО.

ПРИ МАЛОКРОВИИ, ТУБЕРКУЛЕЗЕ, РАХИТЕ,

применяется **Гематоген**

(ПРЕПАРАТ КРОВИ), ЖИДКИЙ И В ТАБЛЕТКАХ. КЛИНИЧЕСКИ ИСПЫТАН.

ПРИ ФУРУНКУЛЕЗЕ, АНЕМИИ ЭКЗЕМЕ и в связи с общим ослаблением организма

применяется **Зинно-ферро фиталь**

ДРОЖЖИ, ЖЕЛЕЗО и ФИТИН / В ТАБЛЕТКАХ /

ПРИ ИСТОЩЕНИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

применяется **Лещито гемоль**

(ГЕМАТОГЕН С ЛЕЦИТИНОМ)

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САН-ГИГИЕНЫ СССР. ПРИ ОТСУТСТВИИ НА МЕСТАХ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПОЧТОЙ ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАТКУ

Харьков, ул. Артема 12.

Государственный внутренний выигрышный заем „Пятилетка в 4 года“ и „Третий заем индустриализации“

СПРАВОЧНАЯ ТАБЛИЦА

20-го тиража выигрышей, производившегося в гор. Челябинске 17—20 октября 1935 г.

По обоим выпускам займа разыграно 244 470 выигрышей на сумму 50 159 600 рублей.

Таблица выигрышей, как по процентному, так и беспроцентному выпускам состоит каждая из двух частей. В первой части таблицы «А» указаны номера серий, облигации которых выиграли по 200 руб. Если у номера серии имеется звездочка (*), то это означает, что на один из номеров облигаций данной серии выпал выигрыш в 1 000 или 5 000 руб., а чтобы узнать № облигации и сумму крупного выигрыша — следует справиться во второй части таблицы «Б».

Номера серий, при которых знаков «П» и «Т» не имеется, выиграли по облигациям, как займа «Пятилетка в 4 года», так и объединенного с ним «3-го займа индустриализации».

Указанные в таблице номера серий и облигаций выиграли во всех разрядах соответствующего выпуска займа.

Настоящая таблица является справочной и не может служить основанием для оплаты по ней выигрышей.

Выигрыши выплачиваются гострудсберкассами согласно существующим правилам.

Номера серий, при которых имеется знак «П» выиграли только по займу «Пятилетка в 4 года».

Номера серий, при которых имеется знак «Т» выиграли только по «3-му займу индустриализации».

БЕСПРОЦЕНТНО-ВЫИГРЫШНЫЙ ВЫПУСК

А. Выигрыши по 200 рублей выпали на следующие номера серий беспроцентно-выигрышного выпуска:

00134	06942	13797	19626	28568	37519	45453	51617	60441	66672	73190	80938	87602	95564
00324	07040	13843	19656	28900	37625	45536	51714	60785	66916	73200	81232	87696	95568
00330	07131	14264	19800	29235	37763*	45778	51719*	60928	66927	73276	81238	88347	95813
00731	07451	14373	20066	29941	38094	46026	51892	61082	67123	73659	81438	88378	95996
00757	07672	14441	20154	30160	38232	46182	52089	61100	67364	73729	81456	88416	96180
01108	07709	14638	20493	30242	38287*	46230	52276	61150	67413	73759	82201	88748	96200
01509	07743	14858	20619	30856	38363	46593	52527	61154	68005	73882	82329	88822	96241
01651	08080	14921*	20734	30963	38865	46613	52530	61279	68188	73962	82558	88835	96558
01671	08208	14981	20906	31113	39215	46786	52897	61437	68371	74409	82622	89032	96699
01759	08327	15065	21057	31647	39512	46881	52920	61700	68473	74516	82625	89280	96793
01919	08390*	15263	21244	31678	39604	46900	53078*	61716	68518*	74745	82680	89380	96821
01984	09019	15273*	22088	31854	39675	46925	53486	61782*	68601	75018	82870	89448*	96905
02286	09131	15331	22191*	32350	39800	46940	53666	61903	68631	75238	82920	89631	96940
02307	09197	15418	22253	32442	40043	47178	54610*	62040	68716	75553	82967	90029	97137*
02386	09439	15423*	22647*	32567	40086	47219	54715	62228*	68822	75616	83287	90049	97435
02671	09449	15484	22673	32576	40118	47371	54828*	62254	68834	75774	83438	90396	97572
02747	09652	15565	22744*	32652*	40313	47548	54955	62284	68838	75908	83540	90493	97606
02906	09712	15802	22746	33020	40349	47640	55033	62605	68951	75973	83653	90954	97684
03003	09751	15858	22807	33039	40393	47852*	55076	63152	69497*	76406	83739	91159	97814
03031	09799	16104	22825*	33109	40400	47921	55182*	63397	69521	76950	83795	91299	97907
03221*	10081	16144	22869	33328*	40456	47924	55420	63635	69655	77278	84045	91308	97979
03269	10212	16186	23015	33566	40482	47960	55599*	63653	69861	77502*	84058	91350	97983
03372	10437	16271*	23527	33842	40491	48098	55651	63752	70487	77648	84385*	91486	98161
03528	10693*	16294	23592	33941*	40871	48220	55863	63769	70736	77682	84431	91793	98408
03764	10694	16542	23907	34179*	40907	48506	56434	63778	71020	77698	84600	91853	98844
03873	10991	16684	24566	34182	41007	49294	56528	63786	71256	77848	84955	91946	99042
03911	11017	17061	24598	34265	41042	49365	57006	64056	71508	78003*	85014	92007	99138
04364	11095	17087	25131	34312	41164	49426	57202	64106	71510	78254	85025	92048	99161
04434	11160	17120	26022	34433	41272	49488	57247	64593	71520	78351	85068	92561	99460
04763*	11665*	17267	26229	34452	41340	49616	58156	64599	71618	78377	85300*	92773	99468
05102	11773*	17560	26244	34467	41435	50158	58680	64731	71755	78409	85337	93003	99634
05316	11893	17587	26268	34494	41460	50159	59029	64940	71762	78560	85354	93154	99701
05390*	11912	17609	26432	34976	41844	50173	59072	65073	71831	78972	85566	93589	99724
05602	12064	17696	26645	35168	42050	50240	59163	65273	72024	79096	85686	93623	99771
05628	12196*	17999	26841	35210	42233	50285	59374	65422	72168	79314*	85833	93803	99798
05698	12298	18091	26929	35721	42602*	50301*	59390	65455	72213*	79592	85839	94184	99885
05941	12414	18203*	27159	36005	42886	50555	59442	65686	72286	79618	85850	94546	
06038	12720	18808	27203	36588	43160	50631	59619	66001	72625	80171	85936	94715	
06139	12812	19009	27236	36640	43923	50954	59788	66112	72739	80227	86089*	94734	
06158	12958	19079	27435	36697*	44293	50960	60082	66272	72984	80357	86335	94757	
06340	13185	19250	27787	36979	44818	51016	60144*	66329	72988	80383	86747*	94885	
06644	13228	19291	27814	37026	45237	51150	60215	66398	73028*	80893	86939	95028	
06854	13503	19418	28111	37294	45291	51473	60403	66663	73073	80921	86948	95037	

Б. Выигрыши в 1 000 и 5 000 рублей выпали на следующие номера серий и облигаций беспроцентно-выигрышного выпуска:

№№ серий	№№ облиг.	Размер выигрыша	№№ серий	№№ облиг.	Размер выигрыша	№№ серий	№№ облиг.	Размер выигрыша	№№ серий	№№ облиг.	Размер выигрыша
03221	04	1000	22647	01	5000	51719	05	1000	77502	10	1000
08390	04	1000	32652	03	1000	54828	02	1000	78003	03	5000
11773	02	1000	34179	05	1000	60144	02	1000	86089	09	1000
12196	06	1000	37763	10	1000	61782	10	1000	86747	07	1000
14921	01	1000	42602	07	1000	68518	02	1000			
16271	04	1000	47852	01	1000	72213	03	1000			

ПРОЦЕНТНО-ВЫИГРЫШНЫЙ ВЫПУСК

А. Выигрыши по 200 рублей выпали на облигации следующих серий:

00189	08293	15629	24173	30824	37437	44302*	52907	60612	69011	73963	79486	86312*	94089
00218	08623	16750	24266	30836	37444	46617	53451	60850	69373	74953	79589	86809	94193
00809	08700*	16905	24413*	31559*	37897	46774	54983	61249	69519	74965	80000	87502	94222
00988	09128	17214	24652	31593	38027	47232	55077	61557	69705	75320	80821	88801	94280
01420	09172	17642	24778*	31848*	38075	47903	55093	62467	69743	75981*	80840	89199	94715*
02269	10207	18356*	25193*	31915	38318	48250	55236	63576	69979	75998	81001	89477	94817
03217	10704	19209	26187	32031	39203*	48585	55599	63586	70002	76208	81208*	90179	94973
02576	10725	20054	26329	32166	39320	49411	56065	63593	70831	76314*	81375	90351	95358
04352	10795	20160	27222	32753	39795	49464	56539*	64144	71031	76769	82263	90875	95582
04401	11435	20180	27316	32850	40318	49602*	56725*	64902	71405	77022*	82527*	90945	95605
05001	11775*	20292	28149	33611	40482	49734*	57406	65814	72018	77383	83195	91769	95611
06971	11874	20440*	28370	34049	40610*	50377	58924	66145	72269	78435	83630*	91922	96386
07257	12031	20671	28577	34302	41309	50706	59367	67142*	72562	78502	84356	92274	96576
07428	12831	20797	28945	34355	43197	51007	59504*	67364	73155	78856	84687	92603	97561
07488	13383	21635	29819	35823	43750	51222	59577	67732	73447	79049*	84737	92650	98440
07495	13702	22026*	29913	36184	43787	51396	59652	68182	73787	79052	84992	92787	99807
07558	14922	22110	30144	36285	43978	51699	59849	68190	73792*	79398	85488	92862	99888
07709	15372	22439	30485	36465	43988	52800	60301	68194	73886	79458	86011	93569	

Б. Выигрыши по 1 000 и 5 000 рублей выпали на следующие номера серий и облигаций:

№№ серий	№№ облиг.	Размер выигрыша	№№ серий	№№ облиг.	Размер выигрыша	№№ серий	№№ облиг.	Размер выигрыша	№№ серий	№№ облиг.	Размер выигрыша
11775	09	5000	40610	01	1000	56725	06	1000	79049	03	1000
20440	02	1000	44302	09	1000	59504	02	1000	81208	02	1000
22026	04	1000	49602	01	1000	67142	08	1000	82527	05	1000
24778	03	1000	49734	08	1000	75981	07	1000	83530	10	1000
39203	06	1000	56539	10	1000	76314	07	1000	86312	08	1000
									94715	01	1000

Триумф
Тройной одеколон
№3
ЛУЧШЕЕ ОСВЕЖАЮЩЕЕ СРЕДСТВО

ЗАЕМ «ПЯТИЛЕТКА В 4 ГОДА» и «3-й ЗАЕМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ».
Пояснение: В таблице А. Процентно-выигрышного выпуска займа «Пятилетка в 4 года», опубликованной в журнале «Огонек», № 26 НЕЯСНО НАПЕЧАТАНА серия № 24638.

ГОВОРИТЕ ЛИ ВЫ ПО НЕМЕЦКИ?
РАЗГОВОРНЫЙ РУССКО-НЕМЕЦКИЙ СЛОВАРЬ, 857 стр. в перепл. 15 руб.
ГРАММАТИЧ. СПРАВОЧНИК НЕМ. ЯЗ. 1 р. 25 к.
КАК САМОМУ ИЗУЧАТЬ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК. 1 р.
Книги высыл. налож. платежом.
Адрес: Москва, 17, абон. ящ. 1100, автору В. РЯБОВУ.

ПОРТРЕТ худож. увелич.
можно получить, прислав любую фоток. ртучку. Размер с паспарт. 32×40, черный—25 р., в тоне сепии (коричневый)—35 р., разм. 44×53 черн.—50 р., коричневый—65 р. с упаковкой и пересыл. Исполнение быстрое и аккуратное. Задаток 50%.
Адрес для писем и денег: Москва, 9, почт. ящик № 346, «Фото-Арс» М. РУБИНШТЕЙН.

Солнечек

№ 32

МХ449

ДЕР.

Л.С.

См. в номере
фото-очерк
"Аэрокультура"